

Б 31

P28489.

ДЖИОВАННИ ВЕРГА

ДРАМЫ

„И С К У С С Т В О“

КНИГА
СОХРАННОСТИ

ДЖИОВАННИ ВЕРГА

Д РА М Ы

Перевод с итальянского
А. В. ЯСНОЙ

62789

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
Москва 1941 Ленинград

Обложка художника
А. КНАКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джиованни Верга родился в Катании (в Сицилии) 31 августа 1840 года, умер в Милане 27 января 1922 года. Его первый роман «Карбонарии с гор» был напечатан в 1862 году.

Великий итальянский писатель не был признан ни официальной Италией, ни итальянской прессой. О произведениях Верга писали счесть много, потому что о нем нельзя было молчать, но критики, даже самые беспристрастные, не сумели высказать суждение, достойное творчества этого великого вериста*. Некоторые из них говорили, что веризм Верга специфически южный, провинциальный, кое-кто признавал за ним талант, говорили о красоте его произведений, но все же тут же оговаривались, что веризм его зашел чересчур далеко.

Говорили о красочности и насыщенности народного языка действующих лиц Верга якобы в ущерб лиризму. Неоднократно обсуждался переход Верга к веризму, высказывались сомнения в его веризме, который считали псевдоверизмом.

Чтобы иметь точное представление о творчестве Джиованни Верга, нам нужно обратиться к зарубежной литературной буржуазной критике. Следует сказать, что лучше и полнее всех о творчестве Верга говорит французский критик Поль Ариги в своем известном труде «О веризме в итальянской прозе» (Париж, 1937); он определяет и называет творчество Верга социальным веризмом.

* Веризм (от *vero*—истинный, правдивый)—равновидность натуралистического направления.

В этой книге центральное место занимает Верга. Автор начинает свое исследование с исторического веризма, представителем которого он считает Манцони, доходит до Верга, Капуана, де Роберто, Тронкони, Ориани, Д'Аннунцио и Пиранделло.

Но дольше всего он останавливается, тщательнее всех он изучает социальный веризм Верга.

Это и не могло быть иначе. Все творчество Верга глубоко правдиво и народно. Верга никогда не делал выводов, он и не мог их делать, это обуславливалось его мышлением. Но социальные противоречия, нищета, невежество, суеверия итальянского народа,— все это очень ясно показано в произведениях Верга. И все эти страницы, где описаны страдания и несчастья, полны сочувствия и возмущения. Верга всегда рассказывает о простых сердцем людях, страдающих от гнета сильных и имущих, всегда у него видна любовь к народу, который возмущен своей судьбой, вернее, законом, который его угнетает.

Дживианни Верга вывел на сцену народ — он показал его несчастья, заблуждения и грехи, его героизм. И за это официальная Италия и критика не любили и не любят Верга. Некоторые итальянские критики имели смелость писать о том, что Верга не популярен.

Никто из современных Верга итальянских писателей не создал таких живых и реальных типов, никто не смог так описать их жизнь, все их невзгоды, никто своим описанием народной жизни не дал такой мощной картины обвинения общества, создавшего и поддерживающего силой данное положение вещей. Действующие лица Верга не графы и бароны, не буржуазия. Это — пастухи, рыбаки, извозчики, рабочие, шахтеры, крестьяне, мелкие лавочники, люди, стоящие на низшей ступеньке социальной лестницы. Это люди, страдающие от голода и малярии, люди, живущие хуже животных, под гнетом самой жестокой несправедливости капиталистического мира. Все действующие лица Верга нарисованы с большим мастерством, так же как красоты родной Сицилии, на фоне которой разворачивается большинство событий в лучших произведениях Верга. Читатель любит этот бедный народ и ненавидит его угнетателей, показанных с непревзойденным мастерством.

Все это, конечно, не нравится официальным критикам. Но Недда, Сантуцца, Клейменный рыжий, Малаволя, вереница героев Верга живы, они стоят на недостижимой высоте, возвышаясь над официальной критикой, ей их не сбросить, так же как нельзя преуменьшить или уничтожить славу того, кто их создал, потому что нельзя уничтожить народ.

Джиованни Верга был первым среди буржуазных итальянских писателей, изобразивших жизнь рабочих. Больше всего он писал о рабочих-сицилианцах, народе, давшем столько героев, боровшихся за освобождение родины от иностранного ига. «Малаволя», «Дон Джезуальдо», большое количество новелл — «Недда», «Сельская честь», «Возлюбленная Граминья», «Клейменный рыжий», «История осла святого Иосифа», «Малярия», «Что такое король» и многие другие — показывают нам гораздо полнее и яснее положение рабочего класса в Сицилии, чем все официальные комиссии и опросы, в особенности во время предвыборных кампаний.

Верга был не только великим писателем-веристом, художественно изобразившим свою родную Сицилию. Он также мастерски и правдиво описал и Северную Италию, где провел долгие годы. Творчество Верга глубоко социально и правдиво. Для характеристики его наиболее показательна новелла «Клейменный рыжий».

Это история мальчика-шахтера, который идет работать в ту шахту, где его отец погиб во время обвала, потому что не были приняты самые простые меры предосторожности. Владелец шахты принимает ребенка, оказывая «благоденствие»... сироте.

Клейменный рыжий спускается в шахту, чтобы заработать себе и матери на хлеб. Во время работы он находит сапог погибшего отца. «Клейменный рыжий работает с какой-то яростью, — говорит Верга, — ему кажется, что, наполняя землей каждую новую корзину, он сбрасывает землю с тела своего отца». Сын, как и отец, погибает при обвале. Он жалеет другого мальчика, который здоровьем слабее его, и помогает ему. Когда этот мальчик умирает и мать его плачет, Клейменный рыжий поражен. Он говорит: «Чего вы плачете, как будто бы ваш сын зарабатывал десять лир в неделю!» (то есть самую высокую плату).

Все ясно, к этому нечего больше добавлять. Писатель, который

так ярко и красочно показывает всю мерзость капиталистического общества, «не популярен» у официальной критики.

Советский читатель знаком с главными произведениями великого итальянского писателя. Советская печать отметила столетие со дня рождения Джованни Верга, которого она почитает.

В предлагаемом читателю сборнике помещены три лучшие драмы Верга — «Сельская честь», «Волчица» и «В швейцарской». Все они были переработаны автором из его же новелл, носивших те же названия.

«Сельская честь» всемирно известна как опера, либретто которой составлено по драме Верга. Зрители переживали вместе с актерами драму любви Туридду, Альфио и Сантуццы. В первый раз «Сельская честь» была представлена в 1884 году, главными исполнителями были Элеонора Дузе и Чезаре Росси.

Несмотря на однозвучную критику, драма имела большой успех по всей Италии. Верга победил. Итальянский народ полюбил своего автора.

Сицилия с ее гордым народом, бедным и невежественным по вине правителей, которые никогда ничего не видели и не понимали в нем, Сицилия в дымке легенд о разбойниках — предстала на этот раз в глубоко правдивом реалистическом изображении.

Сантуцца, Туридду и Альфио — все это жертвы вековых предрассудков. Эти люди способны любить, бороться и ненавидеть. Это сильные люди, готовые к самопожертвованию. Несмотря ни на что, они морально выше тех, кто их угнетает и эксплуатирует.

16 мая 1885 года, спустя год с небольшим, в театре Манцони в Милане в первый раз была поставлена драма «В швейцарской». Это тоже сцены из народной жизни. На этот раз здесь не Сицилия, не сицилийская деревня, а большой промышленный центр Северной Италии — Милан.

Но и здесь основная тема — народ и социальная несправедливость, порождающая противоречия, драму. После первых представлений говорили, что Верга отошел от своего преувеличенного веризма. Это не верно. В маленькой комнате при швейцарской большого шумного миланского дома развивается глубоко психологическая драма. Корень ее — опять-таки классовые противоречия. В этих на-

родных сценах Верга с большим мастерством показывает любовь, самопожертвование, предрассудки, бедность, величие души, то есть жизнь этих людей, которых несправедливость заставила занять низшие ступеньки общественной лестницы.

Малия, Джильда, Карлини, Баттиста, Ассунта, Джузеппина — это типы из народа, их переживания — это народная жизнь. Верга, тесно связанный с народом, который он понимал и любил, умел видеть жизнь большого промышленного города Северной Италии, с ее горестями и несчастьями, страданиями и радостями. Он видел их и в серных копях и на полях родной ему Сицилии. Драма «В швейцарской» имела большой успех.

«Волчица» — одна из наиболее сильных драм Верга, оставляющая глубокое впечатление. В первый раз она была представлена в 1896 году. Верга чрезвычайно удался колоритный, красочный народный язык, на нем его герои выражают свою ненависть и любовь. Драматическое искусство доведено здесь Верга до самой совершенной формы.

При чтении описания действующих лиц — Верга делает это в нескольких коротких строчках — сразу чувствуется большой художник и мастер. Драма пленяет зрителя, заставляет его жить чувствами и страстями героев.

Перед зрителями разворачивается драма, в которой мать, сильная, полная страсти Волчица, и дочь, крупкая и всегда печальная, над ней как будто тяготеет какой-то чужой грех», сталкиваются из-за любви Нанни Ласка, который «любит женщин, а еще больше вою выгоду». В драме дан ряд ярких типов, второстепенных ролей нет. Все полно значения здесь, на гумне, где собираются жнецы, реди скирд, связанных снопов и земледельческих орудий; там, вдали, долина, где зреет урожай владельца. Велики страсти — и велика нищета этих крестьян.

Во всех произведениях Верга описаны народные типы.

Его стиль и язык строги, четки и искренни, он любит правду и народ — этим дышат все страницы его книг, этим насыщены его новеллы и драмы. Несмотря на то, что официальные круги не признали Верга, слава его растет, он известен по всей Италии и за ее пределами. Эмиль Золя относился с большим уважением к автору «Недды» и «Сельской чести».

Многие страницы произведений Верга так же хороши, как и у автора «Напа». Он заслуженно занял место среди крупных мировых писателей-веристов.

Книги Верга и сейчас близки нам и сейчас они звучат как обвинение капиталистическому режиму, который создает несправедливость, нищету, драмы.

Верга проглядел разделение общества на классы, не сумел вскрыть причины социальных противоречий, но в его книгах показаны эти противоречия, затаенный гнев эксплуатируемых, возмущение, зреющее в массах против богачей и угнетателей, страдания тружеников, бесправных и безыменных.

Драмы Верга переводятся на русский язык впервые.

Перевод Верга имеет свои особые, специфические трудности. Верга вводит очень много поговорок, пословиц, выражений, взятых из цветистого чисто народного языка, иногда вводит диалектальные слова и словечки, перешедшие в разговорную речь. Все это делает перевод очень трудным.

Читая перевод драм Верга на русский язык, сделанный А. В. Ясной, я получил то же сильное впечатление, которое у меня бывает всякий раз, когда я перечитываю произведения Верга в оригинале, на итальянском языке. А это, по-моему, самое главное.

Советский народ, который уважает и любит всех тех, кто работает на пользу обездоленных, прочтет с большим интересом драмы этого великого итальянского писателя.

В Италии Джиованни Верга имеет то же значение, которое имели великие русские писатели, показавшие все язвы буржуазного общества.

Джиованни Верга был провозвестником революции, он выражал народные чаяния и надежды.

Он жив и будет жить вечно в своих творениях. Итальянский народ сумеет воздвигнуть Джиованни Верга, своему Верга памятник, достойный его и его произведений, революционных, человеческих и великих.

Дж. Джерманетто

ВОЛЧИЦА

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ
В ДВУХ АКТАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пина — прозванная Волчицей; несмотря на то, что ей уже за 35 лет, она еще красивая, соблазнительная женщина. У нее прекрасная, девственная грудь, сияющие глаза, окруженные синевой. Страстное бледное лицо, на котором выделяется полный чувственный рот, похожий на яркий цветок.

Мара — ее дочь. Молодая девушка, блондинка, очень хрупкая и всегда печальная. Над ней как будто тяготеет какой-то чужой грех, и она не смеет взглянуть в глаза людям своими прекрасными, застенчивыми глазами.

Нанни и **Ласка** — красивый юноша. Любит женщин, а еще больше любит свою выгоду. Очень воздержан и строг к себе на работе; виден человек, желающий создать себе положение. Низкий и узкий лоб, жесткие волосы, зубы, как у волчонка, красивые глаза, похожие на глаза охотничьей собаки.

Бруно — веселый и здоровый деревенский парень; он берет жизнь, как она есть, и беспечно принимает любовь девушек.

Кардилло — сильный и терпеливый, как бык; он и похож на быка своей рыжей шевелюрой, ниспадающей на лицо; она набрасывает тень и на лицо и на душу.

Нели — очень худой и желтый; его организм подтачивает малярия. После рабочего дня он сваливается, совсем изможденный, в свой угол.

Кум Яну — сотский. Умеет себя держать, серьезный человек, как это полагается по его возрасту и по чину. Живет по-старинке,

даже бороду носят, как в старину, наподобие широкой лапши, серого цвета, ниспадающей со щек. Умничают, сыплет сентенциями словно Понтий Пилат.

Г е т у ш к а Ф и л о м е н а — подвижная старушка, всю жизнь проведшая за работой. Говорит, как оракул, и в жизненных делах опытнее сотского.

Г р а ц и я — мужеподобная девушка, плоскогрудая и загорелая. Хороши только чрезвычайно черные глаза и улыбка на свежих губах.

Л и я — крестьянка. Трудно определить ее годы; бесполое существо, изможденное трудом и заботами. Несмотря на это, все же хочет жить и любить.

М а л е р б а — комик, веселит все общество, лицо как у обезьяны, злая, коварная улыбка.

Н у н ц и о — мальчишка, тощий и черный, как жук.

Действие происходит в окрестностях Модики.

ПЕРВЫЙ АКТ

На гумне, в сумерки. Направо — шалаш жнецов, налево — большая скирда; повсюду разбросаны связанные снопы и земледельческие орудия. В глубине, в вечерней дымке, широкая равнина, на ней пышный урожай; течет река, заросшая на берегу болотным камышом и тростником. Издали доносятся голоса, обрывки песен, звон колокольчиков проходящих на водопой стад и время от времени вой собак где-то на деревне; от порывов сирокко шелестят зрелые хлеба. По временам воцаряется тишина, и тогда слышится плеск воды и непрерывный треск кузнечиков. Подымается луна — вся красная; она постепенно бледнеет, вокруг нее образуется венец.

СЦЕНА I

Бруно, Малерба, Нели, Кардилло, Грация и Лия после ужина, усевшись в кружок, слушают сказку, которую рассказывает тетюшка Филомена. Кум Яну сидит, покуривая, на пороге шалаша. Нунцио медленно ест, откусывая по маленькому кусочку от ситного хлеба; он сидит на корточках на оглоблях телеги, в глубине гумна.

Филомена (рассказывает сказку). ...Ну, так вот: волшебница...

Кардилло (подымает голову при каждом порыве ветра). Какой сирокко дует! Завтра придется попотеть на работе!

Филомена (рассердившись). Не мешайте мне рассказывать сказку!

Кардилло (пожимает плечами). Пожалуйста!

Филомена. ...Волшебница, значит, жила в заколдованном замке, весь он был из золота и драгоценных камней. Когда мимо проходил путник, она, выглядывая из окна, заманивала его и вовлекала в смертный грех. Старики и юноши — все попадались в ее ловушку... даже монахи и священники.

Бруно (смеясь). Отлично, вот хорошо!

Филомена. А что бы вы сделали? Ведь я ж вам сказала, что она была волшебницей. Из старухи она умела превращаться в молодую... Становилась белой и румяной, как пятнадцатилетняя девушка... А глаза ее были, как две звезды!..

Малерба (подсмеиваясь). Очень здорово! Скажите-ка, где она проживает?

Филомена. Где проживает? В аду! Вы хотите знать, что она делала потом с этими несчастными? Касалась волшебным жезлом, пафф... и превращала их, — не обижайтесь, — в ослов и свиней. Наконец, об этом узнал один святой отшельник и сказал: «Мне необходимо вмешаться, иначе весь мир погибнет».

Кардилло (как всегда добродушно). Святой отшельник хотел спасти от греха.

Малерба (насмешливо). Как же, как же, сам тоже захотел попробовать!..

Филомена (негодую). Это вы так говорите о святых? Не стану больше рассказывать!

Малерба. В конце концов мне-то все равно. Все это рассказы.

Филомена. Рассказы? Пусть будет так! Однако все это бывало тогда, когда люди бога боялись.

Бруно (шутливо). Нет, нет, я верю! Когда я смотрю в ваши глаза, кумушка Грация, я верю в волшебниц. (Посылает ей издали воздушный поцелуй.)

Яну (степенно, вытаскивая изо рта трубку). Волшебница там или нет, — знаете, как говорит пословица: «Муж-

чина — огонь, женщина — пакля, дьяволу только подойти да подуть».

Б р у н о (к девушкам, хочет их обнять). Подуй, а то я подую! Как бог свят, я сейчас пакля!

Г р а ц и я (смеясь, отталкивает его). Уберите-ка руки!

К а р д и л л о (развеселился, скачет, как жеребенок). Это сказка о волшебнице привела нас в такое настроение! Давайте, потанцуем немного!

Б р у н о (обращаясь к мальчику). Ну-ка, Нунцио, живо за волынку!

Н е л и (ворчит). Ну, танцовать еще! Спасибо! Можно подумать, что я весь день гулял!

Я н у. Весь день гулял! Я-то тебе плачу поденно? Разве нет?

Н е л и. Платите... платите... Все кости болят. Благодарю покорно!

К а р д и л л о. Не обращайтесь внимания на этого лентяя. Ну-ка, Нунцио, сыграй нам плясовую. Тебе ведь ничего не стоит!

Б р у н о (весело). Кумушка Грация, ну-ка! Лия! Повеселимся!

Нунцио встает, вытаскивает волынку из сумки, привязанной к оглоблям повозки; начинает неуклюже приплясывать, переминаясь с ноги на ногу.

М а л е р б а (Грации и Лии). Ну-ка, девушки! И вас надо уговаривать! Вот, Пина, та молодец, всюду, куда ни придет, приносит веселье. (Издываясь.) Эту не приходится упрашивать!

Б р у н о (громко кричит в глубь сцены). Пина! Вы что там делаете так поздно? Столько времени возитесь, чтобы собрать несколько колосьев! (Снова зовет Пину в шутиливом тоне.) Идите к нам, Пина, красotka!

СЦЕНА II

Нанни Ласка входит с левой стороны, из глубины сцены. На плече у него вилы. Те же.

Нанни (также в шутливом тоне, втыкая вилы в скирду). Не зовите вы волка, не то придет и вас съест!

Бруно. Что ты там сделал с Пиной?

Нанни. Я? Ничего. Привязал я ее к своему поясу, что ли?

Кардилло (по обыкновению грубовато посмеиваясь). Нет, это Пина ходит за тобой по пятам.

Нанни. Ну, нет, у меня совсем другое в голове! После того как я целый день на поле жал! Да еще накормил и напоил животных!

Малерба (в шутливом тоне, приложив руки ко рту, кричит, как в трубку, вдаль). Идите сюда, Пина, красавица наша! Радость моя!

Яну. Замолчи ты, злой язык!

Малерба (все так же в шутливом тоне). Радость моя! Радость ваша! На всех ее хватит!

Кардилло. Однако музыка играет напрасну. Идите к нам, тетушка Филомена! (В шутку начинает танцовать перед ней.) Подайте хороший пример... Покажите-ка этим девушкам, как было в ваше время!

Филомена (подымается, живо и весело). В мое время говорилось: смелость города берет. (Танцует в паре с Кардилло.) Добротная материя не скоро изнашивается. (Кончив танцовать с Кардилло, танцует перед кумом Яну, приглашая его.) Тряхнем стариною, кум Яну.

Яну. Поизносились, стары стали. Ничего не поделаешь.

Грация (весело поддразнивая). Смелость города берет, кум Яну!

Яну (наконец, решается). Ну, так и быть! (Встает, начинает неуклюже топтаться напротив Филомены; когда Филомена, кончив танцовать, садится, Яну приглашает

рацию.) Теперь потанцуем с тобой, длинный язычок, ясогузка ты этакая!

Грация танцует с кумом Яну; затем приглашает Бруно, танцуя напротив него.

Бруно (весело кружится, щелкает пальцами). Ой-ла, ой-ла!

Нанни (смеется). Послушай-ка, Бруно, за эту работу кум Яну тебе, пожалуй, не заплатит!

Бруно (продолжает все так же веселиться). Не беда! Это ведь я из любви! Ой-ла, ой-ла! (Когда Грация садится на свое место, рядом с Феломеной, он приглашает Лию, семеня ногами перед ней.) Ой-ла!

Нели (ворчит, лежа на соломе). Нашли чему радоваться! Ну, и развлекайтесь на здоровье!

Малерба (выходит вперед, тянет Бруно за руку). Теперь со мной. С каждым понемногу!

Бруно (освобождаясь от него). Убирайся к черту! Ой-ла, ой-ла!

СЦЕНА III

Пина входит из глубины сцены направо. На голове у нее связка небольших снопов. Малерба бежит с распростертыми объятиями навстречу Пине. Пина бросила в угол связку снопов и идет, улыбаясь, поправляет платок на голове. Те же.

Малерба. А, Пина, радость, сердце мое! Идите сюда, будем веселиться, вверх дном все поставим!

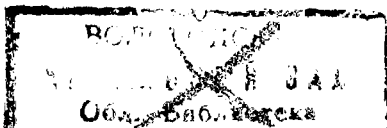
Пина (смеясь). Нет... Я хочу потанцевать с кумом Нанни. (Делает кокетливый реверанс перед Нанни Ласка.) Если я заслужила эту честь...

Малерба (иронически). Ах, именно с ним? Знаем, знаем, что он вам нравится. Нам это уже давно известно. На здоровье!

Пина (презрительно). А вам кто теперь нравится?

Малерба (насмешливо). Она с тобой говорит, Нанни! Ты что, оглох на это ухо, что ли?

Драма

Бруно (смеясь). Нанни Ласка не видит и не слышит!

Пина (Нанни, шутливо и немного иронически, напевает, проходя мимо него).

Кому даны глаза, а он не видит,
На что ж ему даны тогда глаза?

Кардилло. Ну, ну, Нанни, лентяй!

Нанни (ворча). Вот охота! Целый день с серпом в руке! Да потом еще толочься здесь. Другое дело, если бы пригласили на макароны с мясом!

Яну (смеется). Нанни Ласка ничего не любит делать даром, Пина.

Пина (Нанни, кокетливо). Знаете, что я вам скажу? Кто меня не желает, тот меня не заслуживает. (Подходит к Кардилло, танцует перед ним, грациозно придерживая концы передника кончиками пальцев, наклонив голову к плечу.)

Кардилло (волнуясь). Тем хуже для Нанни Ласка! С вами я лев. Если бы умер,— из гроба бы встал!

Малерба (при виде танцующей Пины тоже загорается.) И со мной хоть немного, Пина! Я как с цепи сорвался... Кто вас не желает, тот вас не заслуживает!.. Тратите напрасно время и труды на это животное, Нанни Ласка!..

Грация (смеясь). Смелость города берет, куманек Нанни!

Нанни (наконец, тоже расшевелился, решается подняться, глуповато посмеивается). Чорт возьми! Вот чорт возьми! Раз вы хотите!.. Вот и я!

Пина. Поздно пришел — места не нашел. Так-то, куманек Нанни! (Поворачивается к нему спиной, хохочет и уходит направо с другими женщинами.)

Нанни (уязвлен). Теперь, когда вы мне все уши прожужжали? Удержу мне нет. Я пылаю, как вулкан.

СЦЕНА IV

Входит Мара из глубины сцены направо со снопом колосьев на голове. Те же.

Нанни (идет навстречу Маре; она кладет свой снопок рядом со снопами матери). Ваша мать подвела меня. Идите, по крайней мере, вы сюда. Хочу танцевать! До испарины!

Мара (приводя себя в порядок, застенчиво). Благодарю вас, кум Нанни...

Нанни. И вы отказываетесь? Почему, разрешите спросить?

Мара (еще сильнее смутившись). Нет, простите, я не танцую.

Нанни. Почему? Что у вас, чересчур нежные ноги? Или чересчур жестокое сердце?

Мара (наклонила голову, покраснев до корня волос). Нет... благодарю вас... Простите меня, кум Нанни.

Нанни (немного уязвлен, шутливо).

...О, сердце, жестокое сердце, ты камень!
Не хочешь желаний моих утолить.

Малерба (насмешливо, Нанни). Что ты, что ты! Хочешь, чтобы мать и дочь вцепились друг другу в волосы?

Пина (Малерба резко). Довольно! Оставьте в покое мою дочь!

Малерба. Кто ее трогает? (Нанни, шутливо подталкивая его.) Оставьте ее в покое!

Нанни (смеясь). Ах, вот какая теперь игра пошла! (В свою очередь подталкивает Нели.) Тебе!

Нели (чуть не упал, разозлившись). А я-то при чем? (В раздражении изливает свою злость на Бруно, сильно толкает его.) Развлекайтесь между собой!

Бруно. Ах, так? Ах, так? (Хочет обнять Грацию.) Теперь ваша очередь, красотка!

Г р а ц и я (смеясь, уклоняется от его объятий и отталивает Малерба). Мне не нравится эта игра.

Лия тоже отбегает от него.

М а л е р б а (делая вид, будто он зашатался, подходит к Пине с распростертыми объятиями). Тогда пойду к Пине, ей ведь это нравится.

П и н а (презрительно отталкивает его). Прочь руки, вьтам!

М а л е р б а (иронически). А почему? Что у меня, раз грязные руки? Может быть, прикажете их помыть, что иметь дело с вами?

П и н а. У вас и руки и речи грязные!

М а л е р б а. Поглядите-ка на Пину. Какой стала недоугой. Значит, чорт к старости становится отшельником.

П и н а. Значит, что вы — грубое животное.

М а л е р б а (сардонически). Грубое животное! Точно так! Поэтому-то и вы не желаете, чтоб я до вас дотронулся! Ну-ка, Нанни, у тебя руки чистые!

Н а н н и (смеясь). Не обращайтесь на него внимания, Пина. Это не он, а вино говорит.

П и н а (с досадой). У него вино, а у вас — укус. Когда к вам обратись, вы всегда ответите, как отрежете.

Н а н н и. Откуда вы это взяли? Что я вам сказал?

П и н а (печально). Ничего... Оставим это. (Меняя тон, мягко и немного грустно.) А я принесла вам горсточку вишен оттуда, сверху, из виноградника... Не беда, что вы так зло со мной разговаривали... Я сорвала их для вас. Хотите? (Предлагает ему вишни из передника.)

Н а н н и. Спасибо... если дадите...

Б р у н о. Взять он всегда готов!..

Н а н н и. Возьми и ты... Малерба...

П и н а (разбросала по земле вишни). Все, кто хочет, — берите!..

Н а н н и (удивлен). Как странно! Почему?

Пина (глаза полны слез, но сдерживается). А вы почему? (Поворачивается к нему спиной, опечаленная.)

Нели (собирает на четвереньках разбросанные на земле вишни). Как жалко — божья благодать!

Малерба (машет руками и делает знак, чтоб молчали). Тс-с, тс-с!..

Яну. Что случилось?

Слышно, как на деревне воют собаки.

Малерба (хохочет). Ничего. Из-за вас взбунтовались собаки...

Яну. Возьму-ка я палку для них и для тебя!

Кардилло. Собаки воют на луну.

Бруно. Собаки и влюбленные. (Обращается к Грации, любезно.) О ком вы мечтаете?

Грация (кокетливо защищаясь). Я? Ни о ком.

Лия. И я то же.

Малерба. А вы, Пина, что же вы молчите? Вы ведь рассказываете луне свои печали?

Нанни (напевает, в шутливом тоне).

Кто печален, пусть горе скрывает.

Кто вздыхает, тот счастья не знает.

Пина (с оттенком горечи). Луна там, наверху, для всех, кум Нанни.

Кардилло. Мара, скажите хоть вы! О ком вы мечтаете?

Нанни (смеясь, обращается к Маре). Вы не танцуете! Не разговариваете! Что с вами, чорт возьми?

Мара (не обращает внимания). Мама, итти мне на речку за водой?

Пина (резко). Иди, иди!

Нанни. Что у вас плохого? Все так хорошо складывается. Слава богу, есть приданое. И годы как раз подходящие для замужества...

Мара (поворачиваясь к нему спиной). Я замуж не собираюсь. (Входит в шалаш.)

СЦЕНА V

Те же без Мары.

Малерба (*приложил руки к губам, как рупор, кричит Маре вдогонку*). В таком случае глядите в оба, а то ваша матушка займется этим...

Пина (*раздраженно*). А вы почему вмешиваетесь в мои дела?

Малерба. Да я только говорю, что вы женщина в соку, получше вашей дочери! И что вам не нравится жить вдовушкой. О, нет!

Пина (*с угрозой*). У вас есть что-то против меня, и вы стараетесь затеять ссору. Смотрите, я зубастая и больно кусаюсь!

Малерба. Знаю, знаю. Зубы у вас острые, пожирает людей с кожей и с костями! Один взгляд чего стоит, по милуй господи!

Кардилло. Брось, брось, ты б охотно дал ей съест тебя.

Малерба. А ты? А Нанни Ласка? (*Переменив тон с иронической улыбкой*.) Первого Нанни, у него ведь ручки чистые! Это нам уже известно!

Нанни (*смеясь*). Ну, нет, у меня шкура жесткая. Я и дам себя съест!

Пина (*Малерба*). А какое украшение вы получили подарок от вашей жены?

Малерба. Ишь ты, волчица оскалила зубы!

Яну. Перестаньте, прекратите вы там! Ведь все болтливый смеха ради, чтобы время провести.

Нанни (*подойдя близко к Пине, в шутливом тоне*). А что за история с женою Малерба?

Пина (*печально*). Ничего. Я тоже вам ничего не сказала, а вы всегда злитесь на меня, шкура у вас жесткая. А сердце у вас и еще того жестче!

Нанни (*поворачивается к ней спиной, напевая*).

...О, гордое сердце, жестокое сердце...

Бруно (Грации любезно).

...Мне сердце говорит, что ты жестока:
Меня забыла и не любишь больше.

Грация (отвечает в том же тоне, улыбаясь, но как будто бы разговаривая с другими женщинами).

...Не верьте, девушки, ах нет, не верьте
Словам, так щедро подслащенным лестью.

Кардильо. Bravo! Теперь каждый должен пропеть
свою песенку!

Нани. Начинай, Нели.

Нели. Я ни одной не знаю.

Малерба. Погодите! Хотите, я?

Филомена. Вы помолчите! Здесь девушки. Знаем мы
ваши прекрасные песенки!

Бруно (Ли). Тогда пусть кумушка Лия!

Лия (стесняется). Нет, я ни одной не знаю.

Грация. И я тоже.

Кардильо. Пина, вы?

Пина. Нет, не хочется.

Грация. Вы столько песен знаете!

Нани. Хочет, чтоб ее просили!

Пина (бросает на него взгляд и затем снова опускает
голову). Хорошо, я спою ту, которая мне пришла на ум.
(Тихо, почти про себя, локти на коленях, оперлась головой
на руку.)

...Левкой роскошный, о цветок мой сладкий!

Ты научи, как мне тебя любить!

Похитил сердце ты мое украдкой —

Пришла его обратно я просить.

Сердца других я трогала, волнуя,

Лишь твоего мне не смягчить ничуть,

Но в край любви навеки ухожу я,

Тебе оставлю сердце — не забудь.

Бруно. Bravo, bravo, какую подходящую нашла! Чорт,
а не женщина!

Малерба (*Нанни насмешливо*). Теперь твоя очередь, роскошный левкой!

Нанни (*глуховато посмеиваясь*). Нет, нет, я таких красивых песен не знаю... Я ведь животное.

Кардилло. Если ты и теперь не ответишь, то ты или действительно животное, или туг на ухо.

Лия. Теперь он хочет, чтоб его просили.

Нанни (*наконец, решается подняться; смеется и вместе с тем чувствует себя не в своей тарелке; взгляд его блуждает; он аккомпанирует себе, помахивая в такт вытянутым указательным пальцем*).

...Что бы ты ни видел — лучше обо всем храни молчанье.

Где бы ты ни находился — это место уважай.

Не старайся делать больше, чем ты сделать в состоянии,

И всегда обдумай раньше, а потом уж поступай.

Малерба (*Пине, насмешливо, прикрывая рот тыльной стороной ладони*). Вы слышали, Пина? Значит, можете успокоиться.

Пина (*подымается, взбешенная, и бросает ему в лицо тарелку*). На, вот тебе!

Малерба. Ах, волчица проклятая! Еще и руки пускает в ход! (*Хочет на нее броситься*.)

Яну. Эй, эй, перестаньте вы!

Суматоха. Все кричат, мужчины держат Малерба с одной стороны, женщины Пину — с другой.

Нели (*спасается бегством от толпы*). Всегда так кончается, как в комедии с Пульчинеллоу.

СЦЕНА VI

Мара выбегает из шалаша. Те же.

Мара (*испуганно, сдерживает слезы*). Мама, мама! Что случилось?

Нанни (*Малерба*). Оставь ее в покое. Ты ее вечно дразнишь.

Малерба (еще не остыл). А ты ее защищаешь! Потому что волчица тебе строит глазки! На здоровье!

Пина (Малерба, издали грозит ему кулаком). Помнишь, как меня называть волчицей!

Яну (прикрикивая на всех). Вы напились, наелись, а теперь вино вам бросилось в голову! (Пине.) Гоните от себя искушение. Сходите-ка лучше на реку. Это вам осветит голову.

Пина (идет за кувшином, продолжает угрожать Малерба). Прозвище мне дали, слышишь!

Мара. Мама, мама, умоляю!

Пина уходит с кувшином на реку влево.

Малерба. Проклятая волчица, со всеми ругается, потому что Нанни Ласка не обращает на нее внимания!

Яну (подталкивает его к внутренней части сцены вправо). Ты лучше подумай-ка о животных! Засыпь им еще ячменя, подстели свежую солому, перед тем как пойдешь спать. Понял?

Малерба (ворчит, уходя). Понял, понял! Однако лучше было бы, если бы вы не брали на поденную работу этих Марий Магдалин! Сорная трава — только сеют раздоры!.. Да ищут себе любовников! С тем будьте здоровы! Желаю вам произнести застольную молитву и спокойной ночи! (Уходит.)

Нелли (идет позади Малерба). Застольная молитва, застольная молитва.

Нанни (Маре, которая стоит в стороне, вытирает глаза передником). Не обращайтесь на него внимания, Мара. Малерба — дурак.

Мара (печально). Почему они вечно задевают ее? Больше им делать нечего?

Нанни. Повторяю вам, что он дурак. Ну, и пусть болтает.

Мара (так же, почти с укором). А если бы так говорили о вашей матери?

Н а н н и. Теперь вы обиделись на меня?

М а р а. Нет, на свою судьбу.

Н а н н и. Ну, за это я не отвечаю... и вы тоже. Знаете, как говорится: от шипа рождается роза.

М а р а (качает головой, с горечью). Теперь и вы! А что вы сейчас говорили?

Н а н н и. Что ж я сказал дурного?

М а р а. Ничего! Оставьте меня в покое и вы тоже! (Поворачивается к нему спиной и входит в шалаш.)

Н а н н и (пожимает плечами). Ну, и пусть! Какое мне дело?

Ф и л о м е н а (Грации и Ли). Пойдемте, пойдемте, уже поздно, а завтра солнце рано взойдет!

Б р у н о (делает вид, будто хочет идти вместе с женщинами). Я готов. Пойдемте!

Л и я (убегает, смеясь). Матерь пресвятая!

Г р а ц и я (отталкивая его). Идите вашей дорогой. Вот! искушение!

Ф и л о м е н а (размахивая вилами). Видите? Это я для вас. (Входит в шалаш с Грацией и Ли.)

Я н у (подталкивает Бруно и Кардилло в глубь сцены, направо). Спать, спать!

Б р у н о и К а р д и л л о выходят.

А кто пойдет стеречь овец?

Н у н ц и о (собирая свои вещи). Я, хозяин.

Я н у. А что же ты до сих пор сидишь здесь?.. Любишь поболтать? Если овцы натворят что-нибудь на гумне, я тебе все кости переломаяю.

Н у н ц и о. Что ж, я должен и ночью за ними смотреть? Они меня не предупреждают о том, собираются ли они пойти на гумно или нет.

Я н у. Лентяй, дармоед!

Н у н ц и о. Лентяй! Это вы правильно сказали!

Я н у. Отправляйся, отправляйся, не то получишь пинк:

Н а н н и. Иди, я посмотрю. Я буду спать здесь, на воздухе.

Н у н ц и о уходит налево.

Я н у. Доброй ночи. Смотри в оба, значит. (*Выходит направо.*)

Н а н н и (*приготавливается ко сну*). Молитва... да молитва!

Издали слышно, как Нунцио напевает:

Дорога пустынна.

Полночь... пойду на свидание к ней.

(*Как эхо повторяет слова песни, расправляя солому под котомкой, собирается улечься.*)

Красавица души моей...

(*Сидит на своем ложе, потягиваясь.*) Ах, ах, а завтра опять все сначала. (*Из глубины, с засеянного поля, доносится шелест сухих листьев.*) Эй, кто там? Дикие звери или же злые духи?

СЦЕНА VII

П и н а. входит из глубины с левой стороны, на голове несет кувшин с водой, и Н а н н и.

Н а н н и. Пина, это вы? Как вы испугали меня!

П и н а (*нахмурившись, подходит, чтобы поставить кувшин у порога шалаша*). Вы всегда шутите. Вы любите высмеять человека.

Н а н н и. Еще сердитесь? Не успокоились после купания на речке?

П и н а (*как будто на что-то решилась; после минутного колебания подходит прямо к нему, решительно, но руки у нее опущены, она в тоске и отчаянии*). Почему вы сердитесь на меня, Нанни, что я вам сделала?

Н а н н и. Я? Почему? Что я вам сказал?

П и н а (*садится, в пространии, на спол. рядом, говорит как бы про себя, жалуясь*). Если я сделала кому-нибудь

плохо, то только самой себе... Вам — ничего. И даже этому животному, Малерба, тоже ничего. Почему же он так ругает меня и оскорбляет в вашем присутствии?

Н а н н и. Малерба всегда шутит. Не думайте об этом. Доброй ночи.

П и н а. Доброй ночи вам, вы можете заснуть.

Н а н н и (*все в том же насмешливом тоне*). А вы нет?

П и н а. Я не сплю, кум Нанни. Вы это отлично знаете!

Н а н н и. Тогда попросите кого-нибудь другого спеть вам колыбельную песенку и не мешайте мне спать, я спать хочу!

П и н а. Благодарите бога за то, что он слепил вас из такого теста!

Н а н н и. А из какого?

П и н а. Не притворяйтесь, вы все прекрасно видите!

Н а н н и. В темноте не вижу, Пина.

П и н а. Тем лучше, что темно! Слова не затеряются в темноте. Они тогда без прикрас, от души. А ваши, кум Нанни, режут, как ножом.

Н а н н и. Я не понимаю притчей, Пина.

П и н а (*с горечью*). Плохая ж у вас голова. Да и сердце тоже... жестокое, каменное!

Н а н н и. Не понимаю! Не понимаю!

П и н а. Не понимаете! На ваших глазах человек умирает... а вы отворачиваетесь и смотрите в другую сторону!

Н а н н и. Ох, ох, разговор уже зашел о раненых и мертвых?

П и н а (*помолчав, локти на коленях, подбородком оперлась на руки, ее душит страсть, поет*).

Левкой роскошный, о цветок мой сладкий!

Ты научи, как мне тебя любить!

Н а н н и. Вы что же, Пина, других песен не знаете?

П и н а (*вытирает глаза, лихорадочно*). Мне всегда вспоминается эта... потому что сердце мое полно ею! Неправда, что вы этого не знаете. Неправда, что вы не знаете,

что я сгораю на медленном огне. Меня прозвали волчицей... но волк — вы. На ваших глазах человек погибает...
Н а н н и. В конце концов, что вы хотите, Пина?

П и н а (наклонилась над ним, ее лицо рядом с его лицом; хриплым, каким-то по звериному звучащим голосом, невнятно произносит). Хочу тебя!

Н а н н и (расхохотавшись). Вы?! Лучше отдайте за меня вашу дочь! По крайней мере, она невинная девушка...

П и н а. Ах, кум Нанни! Как бы я хотела увидеть вас плачущим!

Н а н н и. Простите, я пошутил. Знаете, как говорится в песне:

Прислушайся к тому, что говорит школьный учитель:
«Не думай о матери и женись на дочери».

П и н а. Как, вы теперь можете шутить? Вы забавляетесь тем, что лицо мое попираете ногами. Правда, я волчица... Я — презренная... Видите, что со мной творится, когда я только говорю с вами. Да, я презренная. Вы можете выкинуть меня, как тряпку, потом... когда не захотите больше...

Н а н н и. Нет, нет!.. «Обдумай раньше, а потом уж поступай».

П и н а (с горечью). Какой вы рассудительный! Вы семь раз отмерите, перед тем как отрежете.

Н а н н и. Я и должен так делать. Я бедняк, живу по-дещиной. Такие путанные дела не для меня... пойдут всякие неприятности.

П и н а. Какие у вас могут быть неприятности из-за меня! Вы ведь знаете, что я...

Н а н н и. Вот именно потому, что знаю! Запутаюсь — и никогда не смогу освободиться. А я должен думать о женитьбе, понимаете? У меня есть только мое доброе имя и здоровые руки.* Я должен подыскать девушку с приданым. Вы сами рассудите... Разве вы отдали бы вашу дочь за человека, у которого была подобная связь? С такой, как вы. Не обижайтесь...

Пина (печально). Я не обижаюсь, кум Нанни, на вас я не могу сердиться.

Нанни. Давайте прекратим болтовню, уже очень поздно. Спокойной ночи. (Опять растягивается на соломе, повернувшись к Пине спиной.)

Пина (несколько минут сидит молча, опершись головой на руки, потом, будто жалуясь самой себе). И эту муку я должна вытерпеть!.. Вы вкладываете нож в руку моей родной дочери.

Нанни (разозлившись). Ничего я вам не сделал. Не мешайте мне спать, чорт возьми!

Пина (вне себя, невнятно бормочет). Хорошо.. Значит, вы хотите жениться на моей дочери?

Нанни (удивленно, вполоборота). Чорт возьми, чорт возьми! Да вы говорите не шутя?

Пина (так же, как и раньше). Да, не шутя.

Нанни (еще не верит, поднял голову и смотрит во все глаза). Вы на самом деле хотите ее отдать за меня?

Пина (задыхается; наклонив голову, несколько раз пытается и не может говорить). Да... Разве я в силах отказать вам в чем-нибудь? Женитесь на моей дочери, если вы хотите. А я уйду... далеко... чтоб не видеть больше вас.

Нанни (пылко, с сомнением смотрит на нее, снова поворачивается на другую сторону, как бы боясь, что она посмеялась над ним). Хорошо, если это так, мы сможем потом поговорить об этом.

Пина (как и прежде). Даже сейчас, раз вы этого хотите. Лучше поговорить сейчас.

Нанни (живо, сядя на соломе). Пина, вы действительно говорите серьезно?

Пина (с горечью). А вы думаете, что я могу шутить в такую минуту?

Нанни (очень довольный, подымается). Коли так, ловлю вас на слове. Будь проклят, кто отказывается от своего слова!

Пина (печально). Будь проклят...

Нанни. В воскресенье пойдем к нотариусу, чтоб закончить все поскорее... Но не забывайте, что я бедняк.

Пина. Что мне сказать вам на это?

Нанни. У меня только доброе имя и здоровые руки. Это так! Но вы ведь дадите что-нибудь за вашей дочерью?

Пина. Все, что вы захотите. Теперь мне все безразлично! Я найду где-нибудь угол, где смогу лечь и умереть, вдали от вас.

Нанни. Нет, нет, вы всегда останетесь хозяйкой в нашем доме.

Пина. Теперь мне все равно. Конечно... конечно навсегда!

Нанни. А что скажет ваша дочь? Надо, чтоб и она дала свое согласие.

Пина (на глазах у нее слезы). Моя дочь ведь моя кровь. Согласится и она, не сомневайтесь! Я сама сейчас позову ее сюда. (Вызывает из шалаша Мару.) Мара!

Нанни. Сейчас? Хотите все решить в одну минуту?

Пина. Лучше сразу выдернуть больной зуб. Ведь вы от своих слов не откажетесь?

Нанни. Нет, не откажусь. Но время терпит... Завтра...

Пина. Лучше сразу выдернуть больной зуб! Ни вы, ни я не заснем, раз что-то прочно засело в голову!

Нанни. Хорошо, хорошо, делайте, как хотите.

Пина (почти грубо подталкивая его). Идите, теперь идите же! Нечего вам быть здесь при разговоре матери с дочерью. (Зовет.) Мара, Мара! Она идет. Видите, она сейчас же пришла? Уходите!

Нанни уходит налево.

СЦЕНА VIII

Мара и Пина.

Мара (*выходит из шалаша, вспанная, приводит в порядок одежду на себе*). Мама, вы меня звали?

Пина (*пересиливая себя, старается, чтобы ее голос не дрожал*). Я... кум Нанни... объяснился, наконец... Он сказал, что хочет на тебе жениться...

Мара (*поражена, прикладывает руку к груди, как будто ее ранили в самое сердце*). На мне?!

Пина. На тебе! Не изображай дурочку! Я дала согласие ему... Теперь ты должна сказать свое слово.

Мара. Я, мама?

Пина (*злобно*). Ты — невеста... Теперь тебе решать.

Мара (*еще больше расстерялась*). Что я могу сказать?.. Так неожиданно!.. Я его так мало знаю.

Пина. Мало знаешь? Уже месяц, как он работает здесь с нами.

Мара (*смущенно, невнятно говорит*). Я никогда не думала о нем... Клянусь вам! Клянусь вам, мама!

Пина. Пусть так... Теперь он объяснился... И там ждет твоего ответа.

Мара (*живо*). Нет, передайте ему.

Пина (*резко*). Нет? Почему?

Мара. Потому что я не выйду за него. Не хочу выходить замуж...

Пина (*с сарказмом*). Что ж ты собираешься делать? Хочешь жить монахиней?

Мара (*как раньше*). Не хочу я выходить замуж! Не хочу я за него замуж идти!

Пина (*сурово, почти с угрозой*). Не хочешь? Почему ты не хочешь?

Мара (*вся дрожит, вне себя от волнения*). Потому что этого не может быть... (*Пристально смотрит в глаза матери; в душу ее закрадывается ужасное подозрение*)
Вы ведь знаете, что этого не может быть!

Пина (*зловеще, почти наступая на нее*). Что ты хочешь этим сказать? Говори прямо!

Мара (*заплакала*). Мама, почему вы мучаете меня? Что я вам сделала?

Пина. Тебя еще надо упрашивать? Хочешь, чтоб я тебя просила? Этого б только недоставало!

Мара. Отпустите меня, умоляю вас. Скажите вы сами ему, что свадьбы этой не может быть...

Пина. Я ему дала свое согласие. Ты тоже не откажешь ему, потому что я так хочу!

Мара. Вы, мама?!

Пина. Я твоя мать. Я должна тебе выбрать мужа!

Мара. Вы, мама?!

Пина (*настойчиво, гордо и решительно*). Я! Я его выбрала для тебя. И он будет твоим мужем — я тебе его даю в мужья.

Мара (*умоляет, сложив руки*). Мама! Не делайте этого!

Пина. Что ж, я за волосы должна тащить тебя к алтарю?..

Мара. Мама, не делайте этого! Не делайте! Господь за это накажет!

Пина (*схватывает ее за косы, грозно смотрит на нее, глаза в глаза*). Ты что хочешь сказать? Говори! Говори прямо!

Мара (*кричит*). Мама, мама!..

СЦЕНА IX

Нанни и те же.

Нанни. Нет, Пина, только если она согласна.

Пина (*обращаясь к Маре; лицо ее еще искажено*). Теперь уходи! Уйди! (*Нанни резко*.) Вы не вмешивайтесь в наши дела. (*Маре*.) Уходи! Не выводите меня окончательно из терпения.

Мара, плача, уходит в шалаш.

Н а н н и. Что случилось? Почему? Не хочет?

П и н а (*понежнугу приходит в себя, но еще вся дрожит; с горькой улыбкой*). Нет, не беспокойтесь... Я влила всю тяжесть на себя... на свои плечи!

Н а н н и. Что с вами? Скажите! Вы вне себя.

П и н а. А вы думаете, что то, что я сделала, легко?

Н а н н и. Простите. Не портите себе кровь из-за этого. Если возможно — хорошо, если нет — ну, что же делаю я во всяком случае благодарю вас за вашу доброту.

П и н а. Оставьте меня! Теперь оставьте меня! (*Плача закрыв лицо руками.*)

Н а н н и. Вы плачете... Что случилось, скажите?

П и н а. Ничего. Дайте мне облегчить немного душу. Если бы вы знали, что в ней сейчас!

Н а н н и (*смущенно*). Послушайте! Мне неприятно, что из-за меня... или из-за каких-то слов, которые я сказал, просто в шутку... (*Все больше смущаясь, горячо.*) Пожалуйста, перестаньте же, черт возьми!

П и н а. Теперь проливаете крокодиловы слезы.

Н а н н и. Да нет же, как бог свят! Только не плачь ради бога.

П и н а (*в отчаянии*). Не могу. Не могу больше. Я всё сделала, как вы хотели, больше нет сил... О, что вы заставили меня сделать, Нанни!..

Н а н н и. Я не знал. Я не хочу, чтобы вы что-либо делали против своего желания!

П и н а (*смотрит на него горящими глазами, полными слез*). Теперь вы, по крайней мере, видите, что я любила вас.

Н а н н и. Я был бы неблагодарным, если бы этого не ценил. Вы отдаете мне и дочь и приданое! Что вы еще могли бы сделать!..

П и н а (*закрыв лицо руками*). Ничего! Ничего!

Н а н н и. Вы такая добрая. Вы с себя последнюю рубашку сняли и все отдаете вашей дочери!

П и н а (*качая головой; фартуком вытирает глаза*). Это пустое! Это пустое!

Нанни. Но все же! При жизни отдать все, что име-
ешь... Ведь вы еще молодая и цветущая женщина! Лучше
дочери! Сам Малерба это сказал. (В шутливом тоне, жс-
лая ее успокоить.) Счастье, что мы делаемся родственни-
ками. Ну же, ну! (Все сильнее смущаясь.) Перестаньте же
плакать... Я просто не знаю, что и сказать вам. Вы ведь
видите, что я не в силах связать и двух слов. Я могу на-
творить глупостей! (Смущенно смеется.) К чорту полетит
и святой Джованни и все родство!

Пина. Нет для вас ничего святого!

Нанни (перестает смеяться, все сильнее волнуется и
смущается). Да нет же, я говорю серьезно! Вы воплощен-
ный дьявол. Перестаньте же плакать, вытрите глаза... ес-
ли любите меня.

Пина. Знаете ли вы, что вы заставили меня сделать?
Сами вложили нож в мою руку... а потом сказали: теперь
ты сама вырви свое сердце!

Нанни (растерялся). Довольно, довольно же. Я не
могу, когда вы так плачете. Я теряю голову... Не плачьте,
перестаньте, если любите меня. (Обнимает ее.)

Пина (отталкивает его, вся дрожит, изменилась в ли-
це). Нет! Оставьте меня! Теперь проливаете крокодиловы
слезы!

Смотрят друг другу в глаза, оба очечь бледны.

Нанни (растерянный, едва внятно произносит). Поче-
му, почему, Пина?

Пина (глухим, надорванным голосом, почти наступая
на него, гневно). Теперь льешь крокодиловы слезы! Хо-
чешь совсем меня с ума свести!

Нанни (отступает назад, как бы желая убежать от
нее). Пина! Что вы хотите?

Пина (глухим голосом, беря его за руку, гордо и ре-
шительно). Молчи! Нас могут услышать!..

Нанни (силится освободиться). Нет, Пина! (Снимает

дрожащей рукой с груди ладонку.) Видите, я творю заклинание против вас.

П и н а. Оставь ладонку, не поможет. Сколько раз я уж приносила заклинания,— не помогло!

Н а н н и. Нет, Пина! Мы идем теперь прямо в ад

Слышен откуда-то сверху крик совы.

В ы слышите, сова... (*Грозит кулаком по направлению не ба.)* Чтоб тебе сдохнуть, проклятая птица!

П и н а. На мне проклятье. Я проклятая! Теперь мне все равно. Ад я испытала уже здесь. Я вперед заплатила за то зло, которое творю.

Н а н н и (*ноги у него подкашиваются, лицо искажено у него больше нет сил сопротивляться*). Ах, Иуда проклятый!

П и н а (*тянет его за собой за руку, она наклонил голову, взгляд ее мрачен,— она похожа на настоящую волчицу*). Замолчи! Не кощунствуй теперь!

Они исчезают в глубине сцены налево. Тишина. Слышен плеск реки, шелест колосьев; трещат кузнечики, и время от времени доносится зловещий вой собак. С криком проносится сова.

ВТОРОЙ АКТ

Сельский двор. Направо — вход в дом и окно, оббитое виноградом. Налево — колодезь и сарай для дров. Скамья из камня между входом и окном. В глубине стены дверь на улицу, заваленная битыми стеклами, кругом сорная трава. В дверь открывается вид на деревню, до горы Калудинов; налево виднеется угол монастыря и большой каменный крест перед церковью. Окна и балконы напротив стоящих домов по-праздничному разукрашены бумажными фонариками и цветными занавесками.

СЦЕНА I

Мара, затем Нанни.

Мара украшает дом миртовыми ветками и бумажными фонариками. Из двери в глубине входит Нанни; он растроган, обнимает ее.

Мара (поражена и обрадовалась). Ах, ах, как хорошо! (Делает движение, востанчиво.) Что вы делаете, соседи ведь могут увидеть!

Нанни. Принеси сюда моего сына: я хочу и его поцеловать.

Мара. Вы были у исповеди?

Нанни. Да. Разве не видишь?

Мара (улыбаясь). А это и есть покаяние, которое на вас наложил ваш духовник?

Нанни. Нет, это не покаяние... Я рад... Позови ребенка.

Мара. Что ты ему сказал на исповеди?

Нанни. Что ж, я тебе снова будут исповедываться?..

М а р а (как и прежде). Разве вы не можете мне ра сказать?

Н а н н и (снова обнимает ее). Довольно, я люблю теб и ты это вполне заслужила.

М а р а (глаза ее сияют от радости). Правда, правда что вы меня любите?

Н а н н и. Глупенькая, глупенькая ты моя, разве нужно чтоб я уверял тебя?..

М а р а (почти плача от радости). Да, теперь я вам верю! Я верю! У вас такое лицо, что я вам верю! (Накло няется, целует его руку.) Слава богу! Какой у меня сего дня праздник, слава богу!

Н а н н и (тоже растроган). Будет, дурочка, бедная т моя, глупенькая, довольно!

М а р а (сердце ее переполнено). Я хочу рассказать вам! Я столько выстрадала! Сколько муки я вытерпела из-з вас, а вы даже и не знали...

Н а н н и (смущен). Из-за меня?

М а р а (закрывает ему рот рукой). Да, но молчите, я заставляйте меня говорить... (Любовно смотрит на него, делает жест головой.) Но теперь ведь правда? Вы любите только меня, меня одну?

Н а н н и. Видишь?

М а р а. Не сердитесь. (Улыбается ему.) Видите, ведь я сама перед вами исповедываюсь... Сначала это я вас не хотела... Вы знаете, у меня засела в голову одна мысль... ужасная мысль... (В приливе нежности, на глазах у нее слезы.) Теперь — нет. Теперь вы отец моих детей! Вы для меня все на свете. Довольно, не будем больше говорить! Теперь господь сжалился надо мной!

Н а н н и (растроган и смущен). Хорошо, хорошо...

М а р а (попеременно целует его руки). Теперь — я благодарю вас. (Складывает руки, как на молитву, глаза под няла к небу.) Господи, благодарю тебя! (Плачет в умилен ии, вытирает глаза фартуком.)

Нанни. Вот так так! Вместо того, чтобы радоваться плачешь? Почему же?
Мара (горячо, вытирает глаза). Нет, я рада. Сейчас зажгу лампы перед иконой божьей матери. Я хочу наполнить их слезами, которые я выплакала тайком. (Снова принимается развешивать фонарики на окне.)

Нанни (растроган и в религиозном рвении помогает ей). Да будет благословен господь бог наш! Бог даст, у нас будет хороший урожай, посеы взошли хорошо! Позови ребенка, пусть он тоже порадуетя с нами. Прошу тебя.

Мара (вся дрожит от волнения, продолжает убирать окно цветами). Подождите... минутку... Закончу сначала здесь... Я нарочно оставила ребенка у соседки... Его одевают к процессии... во все белое! Он пойдет с ангелочками, с корзиной цветов! Сейчас покажу его вам. Невинная душа! Это благодаря ему у меня такая радость! Сейчас я его позову. (Кричит в дверь в глубине.) Агриппино!

С Ц Е Н А И

Лия, Грация, Нели и те же.

Лия (входит из двери в глубине). Идет, идет, его сейчас одевают... (Осматривая все вокруг.) О, как у вас все красиво! Как сад! (Кричит в дверь.) Идите сюда, посмотрите-ка, что сделал кум Нанни!

Грация (полюбовавшись). Красиво, очень, очень красиво! А вы видели дом головы? А площадь там, наверху, вся в зелени! Сколько иностранцев приехало посмотреть!

Нанни. Народ доволен. Бог даст, у нас будет хороший год.

По улице проходят девушки; слышно, как они поют литании.

Лия (побежала посмотреть). Это дочери Марии. Идет их процессия.

Г р а ц и я (тоже стоит у входа). И Карлина с ним
Вот наглость!

М а р а. Она раскаялась!.. Мадонна открыла ей глаза!

Н а н н и. Она раскаялась. Тем лучше...

Н е л и (входит с улицы). Меня прислал кум Яну. Он
передает вам... (Застыл на месте, любитесь.) Ах, ах! Как
вы все разукрасили!

Н а н н и. Сделали, что смогли... От всего сердца!

Н е л и. Кум Яну послал меня сказать вам... Да, вот
что... Знамя братства понесете вы,— он сказал.

М а р а. Вот видите!

Н а н н и (смущен и обрадован). Я? Но если он так
сказал, а он ведь глава... я готов! Я вознесу его вы
сокол!

Г р а ц и я. Смотрите, смотрите, как он горд и важни
чает теперь!

Н а н н и. Да нет же, это честь, радость!

М а р а (радостно поворачивается к подругам и гово
рит шутливым тоном). Видите, какой мой муж! Мо
он!

Н е л и. Он так говорит, чтобы подать хороший пример.
Так ему велел его исповедник.

Н а н н и. Вот я какой, вот я какой! Где надо подать
хороший пример — я тут как тут! С руками и ногами —
весь к услугам!

М а р а. Я тоже хочу исповедаться перед этим святым
человеком. Завтра же!

Н а н н и (растроган, улыбаясь). Ты? Отпущение грехов
я сам тебе могу дать!

Л и я. Хорошо... Послушайте-ка, сколько денег истрати
все сегодня! Целый год грешим. Но приходит такой день
как сегодня...

Н е л и. Сколько денег вы истратили на все эти фона
рики! Сколько нужно масла!

М а р а. Я из глаз бы его выжала, только б все было
как надо. Господь даровал мне столько милостей! Когда

Нанни был при смерти, я дала обет, вы помните? Какой мрак был в доме! Я много выстрадала, очень много!

Нанни. То, что обещано святым, необходимо выполнять. Необходимо!

Марра. Теперь, слава богу, все плохое ушло. Он это сделал во имя ребенка. Я так горячо молилась!

Нанни. Я хочу посмотреть на него, наряженного ангелочком...

Марра. Да, идемте, а то скоро пойдет процессия. (Поспешно и радостно выходит с Грацией и Лией.)

Нели. Значит, я скажу ему, что вы согласны?

Нанни. Да, да... Сколько же раз повторять тебе?

Нели. Хорошо. (Собирается уйти.)

Нанни. Да, скажи еще куму Яну... Терновый венец на голову я хочу, чтобы был с настоящими колючими шипами. Раз это в честь Христа, нечего шутками заниматься.

Нели. Тем лучше, если вы так хотите.

Нанни. Я так хочу, потому что это справедливо. Кающиеся мы или нет?

Нели. Хорошо, я ему все передам. (Уходя, сталкивается в дверях с Пиной.) Пина — ваша теща!

Нанни (удивлен и раздосадован). Ах!

СЦЕНА III

Пина и те же.

Пина (входит робко, застенчиво, улыбаясь, как бы извиняясь за то, что пришла). Привет вам. Поздравляю вас с праздником... Я приехала, чтобы пожелать вам весело провести его... Очень давно не видела вас...

Нели. Передать ему о терновом венце?

Нанни (раздраженно). Сколько раз? Сколько же раз?

Нели. Я хочу спросить, понесете ли вы знамя теперь, когда к вам приехали гости?

Н а н н и. Да и да, трижды да!

Н е л и. Хорошо, хорошо! (Выходит, пожимая плечами.)

П и н а (стоит в стороне, смущенная). Я болела... Шли дожди... Я схватила лихорадку... Наверху, слава богу, всё в порядке. Посевы взошли.

Н а н н и. А как виноградники?

П и н а (собравшись с духом и ободрившись от доброго слова). Хорошо, очень хорошо. Уже пошли отростки — длинная, хорошая лоза. Вот такая! Я уж так решила: они не думают о своей земле, схожу, принесу им хорошие вести. (Снова растерялась, видя, что Нанни волнуется.) И я хотела сказать вам, что необходимо притти помочь мне. Одна я не управляюсь. Сколько сорной травы. Надо вы-полоть. Посмотрите на мои руки...

Н а н н и (придя в плохое настроение). Могли прислать сказать.

П и н а (обидевшись). Вам неприятно, что я приехала?

Н а н н и. Нет, но теперь там, наверху, дом остался без присмотра.

П и н а. Я попросила соседа присмотреть за домом и за виноградником. Да в этом, собственно, и нужды нет. Сейчас все ушли в деревню, на праздник, повеселиться. (Осматривает все кругом.) Вы тоже приготовились...

Н а н н и. Раз уж вы приехали...

П и н а (застенчиво). Если вам неприятно, я уеду, от куда приехала.

Н а н н и (ворчит). Если мне неприятно, если мне не приятно...

П и н а (как бы не находя слов). Я хотела повидать вас... посмотреть, как вы живете. Вы-то обо мне не особенно беспокоились. (С болью.) Я могла умереть, и никто даже не знал бы!

Н а н н и. Ладно. Уж раз вы приехали... вашей дочер- скажем, что к врачу.

П и н а (с горечью). Моей дочери? Что ей до меня?

Нанни. Нет, это не так, молчите.

Пина (садится на террасе, ноги у нее подкашиваются, отворачивается, незаметно смахивая слезы). Я как собачонка... собака без хозяина...

Нанни. Перестаньте жаловаться, по крайней мере. Я не хочу, чтоб вас застали в таком виде! Если вас увидят с таким лицом, было бы лучше совсем не приезжать!

Пина (поднимая на него заплаканные глаза). Почему? Что я вам сделала?

Нанни (не смея на нее взглянуть, старается чем-нибудь заняться, чтобы не выдать своего смущения). Ничего...

Пина. Я ничего вам не сделала... Ничего от вас не хочу...

Нанни (очень взволнован, минуту смотрит на нее молча, затем решительно подходит к ней). Нет! Послушайте! Я сегодня был у исповеди... Сегодня я получил отпущение грехов...

Пина (наклонив голову, разводит руками; покорно и смиренно). Так хорошо... тем лучше для вас... Чего же вы боитесь?

Нанни. Я беспокоюсь за вашу дочь... Если она вас застанет здесь...

Пина. Что ж за беда, если она застанет меня? Разве я не могу прийти в деревню хоть на праздник?

Нанни. Что за беда? Что за беда? Вы-то знаете... и она это знает...

Пина молча отворачивается, подходит, берет мантилью, которую оставила на скамье. Слышен гул толпы.

(Резко задерживая ее.) Нет, оставайтесь. Вас видели соседи... будет хуже... (Подбегает к двери, распахивая ее, вызывает из проходящей мимо толпы.) Кардилло! Иди сюда, посмотри... Как ты находишь?

Кардилло. Как нахожу? (Поражен, увидев Пину.)
А. Пина! Простите, прѣстите... (Хочет уйти.)

Нанни. Вот дурак! Я ведь сам позвал тебя!..

Кардило (подозрительно смотрит то на него, то на Пину). Дурак! Тем лучше! Уж лучше я буду дураком сегодня! В такой день... как сегодня!

Голоса на улице. Ангелочки!

— Вот они, ангелочки!

— Слава мадонне!

Кардило (возмущен). Закройте хоть, по крайней мере, дверь! (Собирается уйти, сталкивается в дверях с входящей Грацией.)

Грация. Кум Нанни, вы что же не идете? (Поражена, увидев Пину; меняя тон.) О, вы! (Холодно.) Здравствуйте, Пина.

Пина (застенчиво и робко). Здравствуйте.

Грация (Нанни смущенно). Меня послала за вами ваша жена... Но теперь я скажу ей, чтобы она обождала минутку. (Хочет уйти.)

Нанни. Нет, послушайте...

Грация. Простите, мне надо идти. (Поспешно уходит.)

Кардило. Вы знаете о великом грешнике, так много согрешившем перед Христом? И что было написано в книге, когда пришлось ему предстать перед богом?.. Довольно! Лучше не говорить!.. Сегодня к тому же страстная пятница! «Нехватало еще этого позора, вбить гвозди в тело сына моего? И сказал ему предвечный...» Прощайте, лучше уйду! (Уходит, с силой захлопывая дверь.)

Нанни (вне себя). Вот видите? Все до одного!

Пина не пошевелинулась, не знает, что сказать.

Вы даже не отвечаете?

Пина (у нее слезы на глазах). Что я могу сказать?

Нанни (страшно возбужден, говорит вполголоса, сжимая кулаки). Хотите, чтобы я вам сказал? Когда я бы болен... при смерти... мне не хотели принести даже святы

дары. *(Его прорывает.)* Я видел смерть своими глазами, говорю я вам!

Пина *(вся дрожит, попятилась назад)*. Что ж мне делать? Скажите!

Нанни *(в волнении ходит взад и вперед по сцене)*. Зачем вы приехали сегодня? Зачем?

Пина *(у нее слезы на глазах)*. Почему? Что я вам сделала?

Нанни. Что вы мне сделали, что сделали? Вы меня вводите в искушение!

Пина *(замерла в отчаянии, невнятно говорит от душащих ее слез)*. Послушайте, а вы что сделали со мной? Об этом я молчу. Вы видите, я смеюсь и разговариваю с вами, а то, что у меня на душе, того вы не видите!

Нанни. Нет, вижу. Это-то и плохо, что вижу! Видит и ваша дочь. Посмотрите, что от нее осталось: кожа да кости. Она молчит, ничего не говорит и мучается. Каждую ночь я слышу ее рыдания... из-за вас! Лучше б она всадила мне нож в сердце и не глядела б на меня так, не говоря ни слова!

Пина *(выражение лица у нее мрачное, она избегает его взгляда)*. А на меня как она глядит! И кормит грудью твоего ребенка! При мне! *(Глухим голосом.)* Я своими руками приготовила вам брачную постель для вашей первой ночи!..

СЦЕНА IV

Мара и те же.

Мара *(поспешно входит, очень взволнована)*. Ах, значит, правда! Вы здесь?

Пина. Да, я приехала повидаться с вами, посмотреть, как вы живете...

Мара *(наклоняется, целует руку матери, глаза ее полны слез)*. Как мы живем... видите... хорошо. *(Нанни, бро-*

сив на него взгляд, сквозь слезы.) Поэтому вы не пришли посмотреть на сына... перед тем как он ушел с процессией?..

Пина. Это я виновата... потому что я приехала, и так ли?

Нанни. Нет, нет, вы хорошо сделали.

Мара. Вы хорошо сделали — вы хозяйка.

Короткая пауза. Все смущенно молчат.

Пина. Необходимо окопать еще виноградник. Я приехала, чтобы сказать вам об этом.

Нанни. Хорошо, в понедельник поедем.

Мара. Ах, вы за ним приехали?

Пина. Я одна не справлюсь. Там трава вот такая. Если пойдут дожди, сорные травы все уничтожат.

Мара (*взрыв отчаяния*). В этом доме и так уже и дождь и град, мама!

Пина. И все из-за меня?

Нанни. Нет, что это вы говорите...

Пина. Я делаю все, что только могу. Я потрудилась немало на вашей земле... в дождь и в непогоду... Хлеб, который я ем, я не краду у вас.

Мара не отвечает, плачет, вытирая глаза передником.

Нанни (*сердито*). Ну, вот, ну, вот!

Мара. Дайте мне поплакать. Я ведь ничего вам не говорю...

Пина (*с горечью*). Бывает так, что слова лишние.

Нанни (*Маре*). Можешь и ты поехать на виноградник, поможешь нам.

Мара. Что мне там делать? Я вам там не нужна!.. Работать я не смогу... (*с горечью указывая на свое состояние*) в моем положении! Наказанье божье!

Пина. Ах, это ты считаешь наказанием божьим?

Мара (*прорывается*). Почему вы пеняете на меня

Тогда уж правильнее пенять на бога! Или, вернее, на себя за то, что вы пожелали меня выдать замуж!

Пина. Так вот какая мне награда! Недурно ты меня принимаешь!

Мара (*очень возбуждена, глаза ее горят, полны слез*). Что же мне прикажете делать? Желаете, чтоб я пела и смеялась в страстную пятницу, когда хоронят Христа?

Нанни. Довольно, не ссорьтесь. (*Берет Пину за руку.*) Лучше пойдете, посмотрите на вашего внука.

Мара (*не в силах больше сдерживаться*). Оставьте, по крайней мере, моего сына в покое! Бедняжка невинный!..

Пина. Ты что ж, боишься, что я съем твоего сына?

Мара. Почему вы должны его съесть? Разве он не ваша кровь? Разве теперь еще добрые христиане едят друг друга?..

Нанни (*Маре с угрозой*). Перестанешь ли ты?.. Как бог свят...

Мара (*наклонив голову, с горечью*). Бейте меня! Хотите бить меня — бейте... Если считаете, что я это заслужила — бейте...

Пина. Иной раз слова бьют сильнее. Вот твоя святость! Твои слова хуже ножа.

Нанни (*едва сдерживается, крестится*). Дьявол проклятый! Уйди, искушение!

Мара. Это вы обо мне? Хотите, чтоб я ушла? Оставила вас?

Нанни. Уйду я! К чорту уйду! Проклятье! У нас в доме всегда ад, как только мать и дочь сойдутся вместе! (*Уходит, взбешенный.*)

ОЦЕНА V

Мара и Пина.

Мать и дочь смотрят друг на друга несколько минут молча, обе бледные, вне себя.

Пина. Теперь ты довольна, очень довольна?

Мара продолжает смотреть ей в глаза, с упреком, не отвечает.

Похоже на то, что сегодня я пришла к вам за подающим! К тебе и к твоему мужу.

Мара наклонила голову, все так же молча, нахмурившись.

После того, как ты у меня забрала все! Все забрала!.. Мое добро и все!

Мара (*повернувшись к ней спиной, закрыла лицо руками, резко*). Мама, оставь меня в покое! Оставь меня в покое, по крайней мере, сегодня!

Пина. Я тебя не трогаю. Хочешь, чтоб я оставила тебя в покое и ушла? Чтоб никогда ноги моей не было в твоём доме, в том доме, который я сама отдала тебе?

Мара. Вы мне дали этот дом для того, чтоб я здесь горела на медленном огне! Обрекли меня на вечную муку!

Пина. Я тебе все отдала! Ты все отобрала у меня!

Мара (*оборачивается к ней, глаза ее лихорадочно блещут, голос дрожит*). Молчите! Замолчите!

Пина. Тогда говори ты! Излей свою душу!

Мара (*в отчаянии бежит по сцене, рвет на себе волосы*). О, господи, спаси, освободи меня от этих мучений!

Пина. От твоих мучений... Молчи ты о своих мучениях! Оставь в покое святых. Я столько молилась им! Там, наверху, глухи!

М а р а (не сдержавшись). Теперь уж и святые виноваты! Будь проклята ты!

П и н а. Видишь, видишь, брызжешь ядовитой слюной! Я давно уже замечаю... в каждом твоём слове яд!

М а р а. Это вы отравили меня, влили яд вот сюда!

П и н а (накинулась на нее, обезумев; глухим голосом). Тогда разmozжи мне голову твоими руками! Ведь это я — змея подколотная! Потом пойдешь и ты... просить отпущения грехов!

М а р а. Окаянная, окаянная! Вот вы кто!

П и н а. Замолчи!

М а р а. Воровка! Воровка!

П и н а. Молчи!

М а р а. Воровка! Пришла сюда, чтобы украсть мой покой. Изверг!

П и н а (как раненый зверь). Так, так!

СЦЕНА VI

Г р а ц и я и Л и я, прибежали с улицы на крики Пины и Мары, и те же.

Г р а ц и я. Что случилось, что случилось? Можно подумать, дом обвалился!

М а р а. Обвалился, разрушился дом! На нем проклятье божье!

Л и я. Мара, будьте благоразумны! Ведь вы станете посмищенем для всех!

П и н а. Теперь и она и ее муж лягают меня!

Г р а ц и я. Что же вы прежде не могли поговорить о ваших делах? Именно сейчас, когда проходит процессия!

П и н а. Меня гонят! Забрали у меня все мое добро, все взяли! А теперь я живу на их счет, хлеб их ем даром!

М а р а. Нет, не дармоедничаєте, нет... Кровь вы мою пьете, вот что!

Л и я. Помолчите хоть вы! Вы ведь дочь. Перестань
Г р а ц и я. Довольно, прекратите это бесчинство!

Б р у н о (входя). Слышно на улице, как вы здесь кричите, заглушаете хор! Как будто бы у вас здесь представление! Еще минута — процессия разбежится, и все придут сюда.

П и н а. Да, бегите! Зовите карабинеров, чтоб меня связать!

М а р а. Рот вам надо было бы заткнуть! Связать вас и выставить на площадь!

Л и я. Что вы говорите, Мара! Матери!

М а р а. Эти слова жгут меня, все во мне кипит!

Г р а ц и я. Пойдемте, Пина, вы ведь рассудительнее. Нельзя же грешить сегодня...

П и н а. Не пойду! Я у себя в доме.

М а р а. Оставайся! Я уйду! Навсегда! Навсегда! Оставлю вам этот проклятый дом!

П и н а (с угрозой). Уходи, уйди! Не своди меня окончательно с ума!

Б р у н о (становится между ними). Что вы делаете?

СЦЕНА VII

Нанни вбегает с улицы на шум ссоры, за ним Кардилло, Филомена, Малерба, Нели, те же.

Нанни (обозлившись, колотит направо и налево Пину и Мару). Вот тебе! и вам тоже! Не хотите прекратить? Я притча всей деревни!

Нели. Теперь прощай, знамя!

Малерба (старается помирить всех, как всегда, немного подсмеивается). Процессия идет! Вот она, процессия!

Бруно Перестань, Нанни!

Кардилло. Да кто вы, наконец, — христиане или турки?

Филомена. Послушайте! Ведь это скандал на всю деревню! Прекратите это позорище!

Нанни. Я теперь притча всей деревни. Теперь вы довольны?

Грация (*помогает Пине вытереть кровь с лица*). Покажите!.. Вот здесь еще кровь...

Пина. Ничего... ничего.

Малерба. Это ласки осла! Значит, ей ослиные ласки нравятся...

Нанни (*обозлен, выталкивает Малерба*). Убирайся отсюда! А то и тебе попадет!

Грация (*Пине, уводя ее*). Пойдемте, пойдемте. (*Выходит с Лисей и Филоменой.*)

Кардилло (*выходит с Бруно*). Турки! Хуже турок, прости господи.

Мара (*плачет, обращается к Нанни, хочет уйти*). Посмотрите, что вы сделали со мной! Бог с вами, господь покарает вас!

Нанни. Замолчи ты! Не распинай хоть ты меня!

Мара. Еще и это! Избили меня на ее глазах. Моя мать теперь довольна!

Нанни. Ты и твоя мать доведете меня!..

Мара. Окаянные! Оба вы окаянные!

Нанни. Перестань, из любви ко мне! Если это правда, что ты меня любишь!

Мара. Поэтому-то вы и топчете меня ногами? Знаете, что я люблю вас, и делаете со мной, что хотите! Вы желаете, чтобы я умерла от отчаяния.

Нанни (*почти умоляюще*). Послушай, Мара, послушай...

Мара. Изверг вы! Как у вас рука поднялась? Ведь я жду ребенка! Как вы будете смотреть в глаза вашему ребенку, когда он подойдет к вам, чтобы поцеловать вашу руку?

Нанни. Послушай! Не распинай меня! Каждое твое слово ведь удар ножом в сердце! Я сниму с тебя этот позор перед твоей матерью окаянной!

Мара. Не верю вам! Не верю больше! Как я могу поверить! Ведь я видела вас своими глазами! Какие ли у вас были! У вас и у этой проклятой! У моей матери! Вы что же думаете, что я слепая? Зачем же вы пош исповедываться?

Нанни (*вне себя, пытается закрыть ей рот рукой*)
Довольно, довольно же!

СЦЕНА VIII

Кум Яну и те же.

Яну. Как звери! Хуже зверей!

Нанни (*обовлен и смущен*). Это они! Из-за них все! Доведут меня до безумного шага!

Мара (*рыдает*). Все кончено, кум Яну! Я больше не могу жить в этом доме!

Яну. Нет, послушайте! Хоть вы-то будьте благоразумны.

Мара. Не могу больше здесь жить! Уйду с ребенком... Бедный мой сиротка!

Нанни (*в отчаянии*). Пусть уходит, кум Яну. Пусть уходит, так лучше будет!

Мара (*плачет Нанни, с порога*). Подумайте о том, что вы сделали вашего сына сиротой, бросили его на произвол судьбы! (*Выходит.*)

Яну (*Нанни*). Разбойник ты! Виселицу заслужил!

Нанни. Это правда, вы верно говорите.

Яну. Это во-первых! И во-вторых: наобещал с три короба, и опять за то же!

Нанни. Неправда! Это все сплетницы, языки бы им поотрезать!

Яну. Что ж, по-твоему, вся деревня — сплетница? И твоя жена то же говорит, вот видишь!

Нанни. Моя жена сумасшедшая! Надо связать ее, как сумасшедшую! Вбила себе в голову нивесть что!

Яну. Да, вбила себе в голову, что ты — животное. Ты и есть животное!

Н а н н и. Вы правы — я животное!

Я н у. Прав, вот и хорошо! Для животных существует палка!

Н а н н и (вышел из себя). Хотел бы я видеть вашу палку. А эта проклятая, от которой я никак не могу избавиться! Я даже на виноградник не хожу, чтобы только не встречаться с ней!..

Я н у. Чего же ты боишься, если у тебя в мыслях ничего нет плохого?

Н а н н и (бормочет). Я боюсь... я боюсь...

Я н у (строго). Вот видишь!..

Н а н н и (в сильном возбуждении). Вы ведь знаете, что это за женщина. Вы знаете, как ее прозвали! Что это за женщина! Ведь она душу вашу погубит, как и когда захочет!

Я н у. Вот видишь! Вот и сейчас. Как ты о ней говоришь!

Н а н н и. Чорт возьми! Что я должен говорить? Что я должен делать?

Я н у. Ты должен с ней решительно поговорить. Скажи ей, чтобы она оставила тебя в покое.

Н а н н и. Что я могу сделать? Здесь в доме и она тоже хозяйка... Если она придет, я не могу захлопнуть дверь перед ее носом.

Я н у. Верни ей ее дом. Или ты, или она должны отсюда уйти.

Н а н н и. Уйти? А куда?

Я н у. Уехать куда-нибудь далеко, в деревню.

Н а н н и. В деревню? Как вы легко решаете. Ничего-то вы не знаете, куманек Яну! А когда она снова начнет вокруг меня кружиться? По горам и по долам... А это еще того хуже! Будет ходить вокруг да около под тем предлогом, что нужно полоть сорную траву... Настоящая волчица... (Выходит из себя.) Я ж не могу отколотить ее на расстоянии!

Я ну. В таком случае знаешь, что тебе надо сделать. Распродайте все, заберите жену, и уезжайте.

Н а н н и. Ничего я не могу продать. Все это приданое жены. *(В сильном волнении.)* Я связан, говорю я в связан по рукам и ногам! Нужно разорвать эту цепь.

СЦЕНА IX

П и н а и т е ж е.

Н а н н и. Вот видите! Сами видите, кум Яну.

Я ну. Тихе, тихе.

Н а н н и. Видите? Вот она опять пришла! Она не успокоится до тех пор, пока не доведет меня до каторги!

Я ну. Попрошу тебя без крика, без разговоров о каторге. Всегда все можно уладить. Кумушка Пина, вы ведь знаете поговорку: «Муж да жена — одна сатана». Не трогайте их.

П и н а. Кто их трогает? Что я им делаю?

Я ну. Что делаете... что делаете... Добра-то уж, конечно, не делаете. Как только вы появляетесь — в доме ад.

П и н а *(вытирает глаза, как в лихорадке)*. Теперь меня гонят. Теперь они меня лягают, когда я обеднею.

Я ну. Вам тоже хочется жить? Это вполне справедливо. Все можно уладить... только вы должны жить в одном месте, а они в другом. Свет велик, дорогая моя. Разве других мужчин нет?

П и н а. Вы справедливо говорите, кум Яну. И я вполне заслужила это.

Я ну. Заслужили... Народ говорит то, что слышит... А может быть, вы расплачиваетесь теперь за какой-то старый грех... возможно, что это сплетни, ложь... Но необходимо заставить злые языки замолчать. Ваш зять получил отпущение грехов, оставьте его в покое.

Пауза. Нанни и Пина стоят, опустив головы.

(Нанни.) Ты слышал? А теперь пойду налажу дела со второй и приведу домой твою жену. А вы, Пина, надеюсь, поняли. Отправляйтесь с богом по вашим делам и постарайтесь, если сможете, тоже получить отпущение грехов. *(Уходит.)*

СЦЕНА X И ПОСЛЕДНЯЯ

Нанни и Пина.

Пина *(вид у нее мрачный, говорит как бы сама с собой)*. Для такой матери, как я, нет прощенья.

Нанни. Уходите, уйдите же.

Пина *(возмущенно, с горечью)*. Другого припева не знаете?

Нанни *(волнуется все сильнее)*. Я вам это не раз говорил, и всегда напрасно!

Пина. Раз вы знаете, что напрасно, к чему же вы опять повторяете?

Нанни *(раздраженно)*. Потому что хочу с этим покончить. Раз и навсегда! Хочу избавиться от этого ада!

Пина *(с сарказмом)*. Ведь вы же получили отпущение грехов. Чего же вы боитесь?

Нанни. Боюсь вас. Вы дьявольское наваждение. Вы околдовали меня! И сейчас пришли меня соблазнять!

Пина *(вид у нее суровый и упрямый, она не смотрит на Нанни, накачивает воду из колодца)*. Я приехала на праздник. Я тоже христианка.

Нанни *(рассвирепев, схватывает ее за руку)*. Вы, вы?

Пина *(вырываясь)*. Дайте мне помыть лицо! Не рвите мое праздничное платье!

Нанни. Я вам покажу праздник! Вот сейчас я вам его покажу!

Пина. Если б у тебя хватило духу!

Нанни. Чорт возьми, чорт побери...

Пина *(пристально смотрит на него, говорит с отчаянием и горечью)*. Ты способен только с ума сводить людей!

А избавить человека от мук одним ударом — смелости хватает.

Н а н н и. Проклятая ты! Вся как есть проклятая!

П и н а. Думаешь, я сама этого не знаю? Таких матерей как я, надо сжигать живыми! На съеденье собакам бросать! Это ты вверг меня в ад! Хватай за волосы! Держи как безумную!.. Имел наглость пойти на исповедь... Дьявол нас связал!

Н а н н и (*размахивая топором, в бешенстве*). Ах, так Я порву эту связь!

П и н а (*оборачивается к нему, обнажив грудь, как бы с вызовом*). Кончай же меня! Ну, твоими руками!

Н а н н и (*толкает ее под навес, глаза у него безумные от ужаса и гнева; он высоко занес смертоносный топор; изо рта бежит пена, он кричит*). Ах, ах... дьявол вы!..

З А Н А В Е С

СЕЛЬСКАЯ ЧЕСТЬ

(НАРОДНЫЕ СЦЕНЫ)

Впервые была представлена в Турине 14 января 1884 года.
Главными исполнителями были Элеонора Дузе, Чезаре Росси.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Туридду Макка.

Кум Альфио из Ликодии.

Лола — его жена.

Сантуцца.

Нунция — мать Туридду.

Дядюшка Брази — хозяин постоянного двора.

Камилла — его жена.

Филомена.

Пиппуцца.

Площадь в деревне неправильной формы. В глубине, налево, видна ведущая к церкви аллея, обсаженная деревьями, и в конце площади стена огорода. Направо — тропинка, теряющаяся в полях, по обеим сторонам ее, в виде живой изгороди, растут кактусы. На переднем плане направо таверна Нунции; над входом висит вывеска. Садовая скамейка, из ней, как на витрине, разложены яйца, хлеб и зелень; с другой стороны у входа видна скамья, прислоненная к стене. Таверна стоит на углу улочки, идущей в глубь деревни. На другом углу — двухэтажная казарма карабинеров с королевским гербом на дверях. Немного подалее, в том же плане, постоянный двор дядюшки Брази, с широким навесом спереди. На переднем плане, налево, терраса, обвитая виноградом. Подалее видна улочка. В конце — домик тетюшки Филомены.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дядюшка Брази проходит по левой стороне сцены с охапкой сена на голове; он кладет ее под навес. Кума Камилла складывает белье на террасе. По аллее в церковь идут женщины. Под навесом сидит крестьянин; он подпер подбородок руками, напевает. Благовест к мессе. Тетушка Филомена выходит из таверны Нунци; что-то несет под фартуком.

Кума Камилла. Купили что-нибудь, тетушка Филомена?

Тетушка Филомена. Сегодня, слава богу, ведь пасха. *(Входит в дом.)*

Кума Камилла *(обращается к Сантуцце, которая выходит слева из первого переулка; она очень взволнована, лицо прикрывает мантильей)*. Кумушка Санта, к исповеди идете?

Сантуцца подняла голову, смотрит в ее сторону и проходит, не отъѣтив.

Дядюшка Брази *(выглядывает из ворот постоянного двора; обращается к куме Камилле)*. Отправляйся-ка домой и не лезь в чужие дела, сплетница!

Кума Камилла входит к себе.

(Карабинеру, показавшемуся на террасе казармы.) Вечно моя жена выведет меня из терпения! Такой дьявол! *(Крестьянину, сидящему под навесом.)* Пойдите-ка сюда, кум Пеппи. *(Уводит его на постоянный двор.)*

Сантуцца (у входа в таверну, зовет). Нунция!
Нунция (выглядывая). А, это ты? Что тебе?

Карабинер уходит с террасы.

Сантуцца. Не беспокойтесь, я сейчас уйду. Только скажите мне, дома ли ваш сын Туридду?

Нунция. Что это ты ко мне пришла искать моего сына? Его нет.

Сантуцца. О, боже мой!

Нунция. Ты ведь знаешь, что я в ваши путаные дела не желаю вмешиваться.

Сантуцца (открывая лицо). Нунция, вы только посмотрите, что со мной случилось! Будьте ко мне милосердны, как Христос к Марии Магдалине... Скажите мне бога ради, где ваш сын Туридду?

Тетушка Филомена показывается из дверей своего домика, сложив руки на животе.

Нунция. Уехал в Франкофонте за вином.

Сантуцца. Нет, еще вчера вечером он был здесь. Его видели в два часа ночи.

Нунция. Что ты говоришь! Он дома не ночевал... Войди.

Сантуцца. Нет, Нунция, к вам в дом я не могу войти.

Дядюшка Брази (из-под навеса). Тетка Филомена, сегодня, в день святой пасхи, даже свекровь с невесткой мирятся,— давай-ка и мы с тобой обнимемся да поцелуемся!

Тетушка Филомена. Замолчи, окаянный! (Уходит в дом.)

Нунция (Сантуцце). Ну, говори, что случилось с моим сыном Туридду?

Сантуцца. Не кричите так громко, Нунция.

Пиппуцца входит с правой стороны из переулка в глубине. У нее на руке висит корзинка.

Пиппуцца. Нунция, яйца нужны?

Нунция. Да, если отдашь три штуки за два сольди.

Посмотри-ка, у меня их и так много!

Пиппуцца. Уж лучше я съем сама и детям дам, отпраздную и я пасху. *(Собирается уходить.)*

Дядюшка Брази. Вы что же, Нунция, не ходили к исповеди?

Нунция. Ну, ладно, так как сегодня пасха, плачу по сольдо за яйцо! Я возьму двенадцать штук; одно дашь мне в придачу, в подарок. Положи туда, к остальным. Да только смотри, не разбей! Вот тебе деньги,— погляди-ка, уносишь целую пригоршню серебра!

Дядюшка Брази. Эй, Пиппуцца, и я у тебя куплю! Иди сюда, ко мне домой. *(Ведет ее в первый переулоч налево.)*

Нунция *(Сантуцца)*. Говори! Что ты знаешь о моем сыне Турриду?

Сантуцца. Не знаю ничего.

Нунция. Дома он не ночевал. Где же он был эту ночь?

Сантуцца *(рыдает, закрыв лицо мантильей)*. Ах, Нунция, у меня, сердце обливается кровью...

Нунция. Значит, тебе известно, где был Турриду?

Кум Альфио входит из первого переулка направо с фьяской в руке.

Кум Альфио. Нунция, нет ли у вас еще того доброго вина, за шесть сольди?

Нунция. Пойду посмотрю. Турриду должен был сегодня привезти из Франкофонте.

Кум Альфио. Ваш сын Турриду еще здесь. Я видел его сегодня утром. Он ведь в красной берсальерской феске?

Кума Камилла снова показывается на террасе.

Сантуцца *(берет фьяску из рук кума Альфио, пе-*

редает Нунции). Сходите, поглядите, нет ли еще такой вина.

Нунция входит в таверну.

Кум Альфио. Видать, что вы теперь здесь член семьи, кума Санта.

Кума Камилла. Вы приехали отпраздновать пасху с вашей женой Лолой, кум Альфио?

Кум Альфио. Да, хоть большие праздники побыть вместе.

Тетушка Филомена (с порога,— через руку перебросена мантилья,— куме Камилле). А вы разве не пойдете в церковь?

Дядюшка Брази (подбегает с левой стороны) Пойдет, пойдет! Куманек Альфио, не съездите ли в Милителло?

Кум Альфио. Завтра поехал бы, дядюшка Брази, а сегодня хочу отпраздновать пасху у себя дома.

Тетушка Филомена. «Масленицу празднуй с кем хочешь, а пасху и рождество — дома, со своей семьей».

Кума Камилла (куму Альфио). Ваша жена видит вас только на рождество да на пасху, — что она на это говорит?

Кум Альфио. Не знаю я, что она говорит. Такая уж моя работа, кумушка Камилла. Я — извозчик, а потому всегда в разъездах, то тут, то там.

Нунция возвращается с фьяской, наполненной вином; сложенную мантилью она кладет на скамью, где лежит зелень.

Нунция. Это вино еще лучше прежнего, куманек Альфио. Вы сами согласитесь, когда попробуете. На доброе здоровье! Платите восемнадцать сольди.

Тетушка Филомена. Не дело вы говорите, кум Альфио. Не забывайте, что у вас молодая жена.

Кум Альфио. Моя жена знает, что я своим умом живу. (Похлопывает по карману на груди.) Моя голова работает и за нее и за других.

Два карабинера в форме выходят из казармы и идут по аллее, ведущей к церкви.

Свои интересы я умею защищать сам и не нуждаюсь в помощи вот этих, с султанами на шляпах. У нас в деревне, слава тебе господи, все это знают.

Во второй раз слышен благовест к мессе.

Тетушка Филомена (крестьясь). Не введи нас во искушение! (Запирает дверь на ключ, набрасывает мантилью на голову, идет по направлению к церкви.)

Кума Камилла. И я с вами, и я с вами, тетушка Филомена! (Уходит с террасы.)

Тетушка Филомена (куму Альфио). Вы бы пошли, сказали жене, что к обедне звонят, нехристь вы этакий!

Кум Альфио. Побегу, засыплю корм лошадям и скажу жене. Не думайте, я ведь тоже верующий!

Нунция (куму Альфио). Восемнадцать сольди.

Кум Альфио. Иду, иду, надоедливая какая! Подождите, дайте отсчитать деньги!

Кума Камилла выходит из переулка налево, на голове у нее мантилья, передает ключ мужу.

Кума Камилла. Вот вам на всякий случай ключ. Только смотрите, идите скорее, а то придете, как всегда, к самому концу. (Уходит по направлению к церкви с тетушкой Филоменой.)

Дядюшка Брази уходит на постоянный двор. Через площадь проходят крестьяне и крестьянки, спешат в церковь.

Кум Альфио (Нунции). Вот вам восемнадцать сольди! На доброе здоровье. (Направляется в ту сторону, откуда пришел.)

Нунция. А где вы видели моего сына Туридду, кум Альфио?

Сантуцца (шопотом, потянув ее за платье). Не спрашивайте у него, умоляю вас!

Кум Альфио (*возвращаясь*). Я видел его в нашей стороне на рассвете, когда приехал домой. Он пробежал мимо, — так спешил, что не заметил меня. Послать его вам, если встречу?

Нунция. Нет, нет!

Кум Альфио уходит.

(*Сантуцца.*) Почему ты не хотела, чтоб я с ним поговорила?

Сантуцца не отвечает, опустив голову.

А-а! Что это тебе в голову пришло?..

Сантуцца. О, Нунция!..

Нунция (*поражена*). Лола? Жена кума Альфио?

Сантуцца. Туридду бросил меня. Что я теперь буду делать?

Нунция. Какое несчастье! Да нет, что ты! Не может быть, ты ошибаешься! Кум Альфио тоже ошибся! Мало ли кто у нас ходит в красной феске...

Сантуцца. Нет, кум Альфио не ошибся. Это был он, Туридду!

Нунция. Откуда ты знаешь?

Сантуцца. Знаю... Туридду еще до того, как пошел в солдаты, гулял с Лолой.

Нунция. Пустяки! Когда он вернулся, она была уже замужем за кумом Альфио Ликодиано, и Туридду успокоился.

Сантуцца. А она нет! Она-то не успокоилась!

Нунция. А ты и это знаешь? Откуда?

Сантуцца. Знаю! Потому что каждый раз, когда он проходил мимо моих дверей, она выскакивала... глазами словно отнять его у меня хотела, проклятая! И старалась вызвать на разговор! «Туридду, что вы здесь делаете, в наших краях?.. Разве вы не понимаете, что бог не допустил! Теперь оставьте меня в покое... я замужем!» А соблазнять его — бог допустил? Он распевал под моими окнами, чтоб досадить ей за то, что она вышла замуж за

другого. И правду говорят, что старая любовь не ржавеет. Когда он пел, сердце мое, казалось, вырвется из груди. Дура я была, верно. Но как я могла отказать ему, когда он просил меня: открой, Сантуцца, если правду говоришь, что любишь меня! Как я могла? Тогда я сказала ему: Туридду, сперва поклянись мне перед богом... И он поклялся. А эта, распутная, когда узнала, с ума сошла от ревности, решила отнять его у меня. Моего Туридду точно подменили. Начисто. (Показывает руками.) Он не признается, жалеет меня, но любить — больше не любит! А я жду ребенка. Узнают мои братья, своими руками задушат меня. Смерть мне не страшна. Если б Туридду не любил ту, другую, я умерла бы с радостью. Приходит он ко мне вчера вечером, говорит: прощай, еду по делам. И такое лицо у него было славное! Боже мой, неужели же возможно с таким лицом быть Иудой-предателем?! А потом соседка одна пришла за пряжей. Она сказала мне, что видела Туридду в нашей стороне, у двери Лолы.

Нунция (крестясь). Сегодня светлый праздник, а ты так омрачила мне его!

Сантуцца. А для меня сегодня какой страшный день, Нунция!

Нунция. Вот что! Поди в церковь, стань на колени перед распятием.

Сантуцца. Ведь в церковь я не могу войти, Нунция!

Нунция (набрасывает мантилью на голову). Мне, однако, надо спешить, а то и я пропущу службу.

Сантуцца. Идите, я присмотрю... Не бойтесь, ничего не украду!

Нунция. А что ты собираешься делать?

Сантуцца. Не знаю. Подожду его здесь (указывает на скамью у входа). Как нищенка, у входа.

Нунция. У меня в доме?

Сантуцца. Не бойтесь, в дом я не войду. Не гоните меня хоть от дверей, Нунция, если хотите быть милосердной, как господь, которому вы идете молиться. Не гоните

меня, прошу вас. Дайте мне поговорить с ним в последний раз, в память о ваших усопших.

Нунция (*уходя в церковь, ворчит*). О, господи, будет воля твоя...

Дядюшка Брази выбегает из постоялого двора.

Дядюшка Брази. Подождите, подождите, Нунция нам с вами всегда дела мешают во-время попасть в церковь.

Нунция уходит.

(*Сантуце.*) А вы, кума Санта, что же это, даже на пасху не идете в церковь? Хотите, давайте вместе по четкам прочитаем молитвы?

Сантуца. Оставьте меня в покое!

Дядюшка Брази. Что ж, я вас укусил, что ли? Разве нам не известно...

Сантуца. Оставьте меня в покое!

Пиппуца выбегает, запыхавшись, из переулка налево.

Пиппуца. Дядюшка Брази, я не опоздаю в церковь?

Дядюшка Брази. Если бегом, то еще успеешь.

Пиппуца убегает.

(*Сантуце.*) Вот видите, я словно звонарь— он тоже сзывает народ в церковь, а сам не идет! (*Заглядывает в переулок в глубине направо.*) Ах, вот почему надо было вас оставить в покое! Вот она, причина! Ну, теперь и я уйду. (*Уходит по направлению к церкви.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Туридду Макка выходит из переулка в глубине направо, спешит. Сантуца, увидев его, вскакивает.

Туридду. О, Сантуца!.. Что ты здесь делаешь?

Сантуца. Я вас ждала.

Туридду. А мать где?

Сантуцца. Ушла в церковь.

Туридду. Иди и ты: я здесь пригляжу.

Сантуцца. Нет, в церковь я не пойду.

Туридду. В день пасхи!

Сантуцца. Ведь вы знаете, что мне нельзя туда войти.

Туридду. Что же ты хочешь делать?

Сантуцца. Хочу поговорить с вами.

Туридду. Здесь, посреди улицы?

Сантуцца. Мне все равно.

Туридду. А если нас увидят?

Сантуцца. Мне все равно.

Туридду. Что с тобой?

Сантуцца. Скажите мне, откуда вы идете?

Туридду. Ого! Что это значит?

Сантуцца. Где вы были в эту ночь?

Туридду. Ах, так! Я обязан сказать тебе, где я был?

Сантуцца. Почему вы сердитесь, когда я вас спрашиваю, где вы были? Вы мне не можете этого сказать?

Туридду. Я был во Франкофонте. Вот где я был.

Сантуцца. Неправда! Вчера в два часа ночи вы были еще здесь.

Туридду. А, в таком случае, я был там, где мне заблагорассудилось.

Сантуцца (сбрасывая с головы мантилью на плечи).

Туридду, почему вы так обращаетесь со мной? Не видите, на что я стала похожа? Не видите, что я терплю крестную муку?

Туридду. Вина твоя: ты вбила себе в голову нивесть что, позоришь меня перед всеми, следишь за каждым моим шагом, как будто я мальчишка и не имею уже права делать, что хочу!

Сантуцца. Я ни у кого ни о чем не расспрашивала. А вот только что здесь говорили, что видели вас на расвете около дверей Лолы.

Туридду. Кто это сказал?

Сантуцца. Сам кум Альфио, ее муж.

Туридду. Он! Вот она, твоя великая любовь ко мне! Это ты нашептываешь куму Альфио! Ты будешь виновата, если он убьет меня!

Сантуцца (*падает на колени, умоляюще сложив руки*). О, Туридду, не говорите этого!

Туридду. Встань, не разыгрывай комедии. Встань, или я уйду!

Сантуцца (*медленно поднимается*). Ах, теперь вы уходите, оставляете меня мучиться...

Туридду. Что мне остается делать, раз ты не веришь моим словам, а веришь тому, что говорят другие? Все это ложь, повторяю тебе. Кум Альфио ошибся. Я шел по делу. И эту басню о Лоле ты придумала как раз тогда, когда здесь ее муж. Сама видишь, как это глупо.

Сантуцца. Ее муж приехал только сегодня утром.

Туридду. Ах, тебе уже и это известно? Хорошал шпионишь везде и повсюду. И я уже себе не хозяин!

Сантуцца. Да, Туридду! Вы вольны убить меня, если хотите, как ягненка. Пусть погибну от вашей руки, я буду лизать ее, как собака.

Туридду. В чем же дело?

Сантуцца. Только не Лола! Нет! Это она хочет погубить мою душу!

Туридду. Оставь в покое Лолу, она сидит дома.

Сантуцца. Почему же она не оставляет в покое меня? Почему она хочет отнять у меня вас? Ведь у меня нет больше никого иа свете!

Туридду. Ошибаешься.

Сантуцца. Нет, не ошибаюсь! Разве вы не бегали за Лолой и до того, как ушли в солдаты?

Туридду. Было и быльем поросло! Теперь Лола замужем и живет своим домом.

Сантуцца. Ну, так что же! Разве вы все еще не любите ее, хотя она и замужем? И разве она не отняла вас

меня из ревности? А я, разве я не люблю вас, хоть вы
мне изменили?

Туридду. Молчи, молчи!

Сантуцца. Нет, не могу я молчать! В сердце у меня
ярость звериная. Что я буду делать, если вы бросите
меня?

Туридду. Не брошу, если не будешь хватать меня за
горло. Ведь я сказал тебе: я хочу быть свободным и жить,
как мне нравится. До сих пор, слава богу, у меня не было
ярма на шее.

Сантуцца. Что вы хотите этим сказать?

Туридду. Хочу сказать, что ревность твоя бессмыс-
ленна и безумна.

Сантуцца. Я не виновата, вы видите, как я измуче-
на. Лола красивее меня, я знаю. На шее и на руках у нее
золотые украшения. У нее нет ни в чем недостатка, она
у мужа своего, словно божья мать на алтаре, проклятая!

Туридду. Оставь ее в покое!

Сантуцца. Защищаете ее!

Туридду. И не защищаю вовсе. Какое мне дело, чтит
ее муж, как божью мать, или нет! Но я не потерплю,
чтоб говорили, будто я не волен собой распоряжаться
и поступать, как хочу. Не будет этого!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Лола выходит из переулка направо. Туридду и Сантуцца.

Лола. А, Туридду! Вы не видели моего мужа? Не
прошел он в церковь?

Туридду. Не видал, кума Лола, я только что при-
шел.

Лола. Он мне так сказал: я схожу к кузнецу, закажу
для гнедого подкову и приду к тебе в церковь. А вы что
же, пасхальную службу слушаете на улице, болтая?

Туридду. Кума Санта сказала мне...

Сантуцца. Я сказала ему, что сегодня великий день и что господь оттуда, сверху, все видит!

Лола. А вы что ж не идете в церковь?

Сантуцца. В церковь может идти тот, у кого совесть чиста, кума Лола.

Лола. Я благодарю бога и целую землю, по которой ступаю. *(Наклоняется, дотрагивается кончиком пальцев до земли и затем подносит их к губам.)*

Сантуцца. Благодарите бога, если это так, кума Лола. Ведь говорится: «К земле, на которой стоят ноги, не достоин он приложиться устами».

Туридду. Пойдемте, Лола, здесь нам нечего делать!

Лола. Не беспокойтесь обо мне, Туридду. Дорогу я знаю, как свои пять пальцев, и не хочу вам мешать.

Туридду. Ведь я сказал же вам, что мне тут ничего не нужно.

Сантуцца *(удерживая его за куртку)*. Нет! Нам нужно еще поговорить!

Лола. Доброго здоровья, Туридду! Занимайтесь вашими делами, а я пойду по своим. *(Уходит по дороге в церковь.)*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Туридду и Сантуцца.

Туридду *(взбешен)*. А! Вот видишь, что ты надделала!

Сантуцца. Да, вижу!

Туридду. Значит, ты это сделала нарочно?

Сантуцца. Да, нарочно!

Туридду. Ах, проклятая!

Сантуцца. Убей меня!

Туридду. Ты это сделала нарочно, нарочно!

Сантуцца. Убей меня, мне все равно. Чего ты ждешь!

Туридду. Нет, я убивать тебя не собираюсь. *(Делает движение, чтобы уйти.)*

Сантуцца. Ты оставляешь меня?
Туридду. Да, ты заслужила это.

Слышен колокольный звон, возвещающий о возношении даров.

Сантуцца. Не оставляй меня, Туридду! Ты слышишь звон колокола?

Туридду. Я не хочу, чтоб меня водили за нос. Поняла?

Сантуцца. Ты можешь топтать меня ногами. А ей— не позволяю!

Туридду. Когда же будет конец? Я уйду, чтобы прекратить эту комедию.

Сантуцца. Куда ты бѣжишь?

Туридду. Куда хочу... Иду к обеду.

Сантуцца. Нет, ты идешь к Лоле. Ты хочешь показать ей, что ради нее ты бросил меня здесь, что я тебе безразлична!

Туридду. Ты с ума сошла!

Сантуцца. Не уходи, Туридду! Хоть ради такого дня не ходи грешить в церковь! Не позорь меня еще раз перед той женщиной!

Туридду. Нет, ты не позорь меня! Хочешь всем показать, что я шагу не могу ступить без твоего позволения, что я у тебя под башмаком, как мальчишка!

Сантуцца. Не все ли тебе равно, что она скажет? Неужели ты хочешь, чтобы я умерла от отчаяния?

Туридду. Сумасшедшая!

Сантуцца. Да, да, я сошла с ума. Не оставляй меня одну с моими безумными мыслями!

Туридду (вырываясь). Довольно, говорю тебе! Вот проклятие!

Сантуцца. Туридду, во имя божье, в минуту церковного таинства, не покидай меня ради Лолы!

Туридду уходит.

А, будь проклят для тебя день святой пасхи!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Кум Альфио выходит из переулкa в глубине направо. Спешит
Сантуцца стоит посредине сцены.

Сантуцца. О, сам бог посылает вас, кум Альфио!

Кум Альфио. Еще не кончилась обедня, кум
Санта?

Сантуцца. Вы опоздали. Но ваша жена пошла вме-
сто вас с Туридду Макка!

Кум Альфио. Что вы хотите сказать?

Сантуцца. Я говорю, что ваша жена разукрашена,
как мать божья на алтаре, вся в золоте. Это делает вам
честь, кум Альфио!

Кум Альфио. А вам-то какое дело?

Сантуцца. Я думаю о вас; в то время, как вы ездите
по свету, добываете хлеб и покупаете подарки жене, она
по-другому оказывает честь вашему дому.

Кум Альфио. Что вы сказали, кума Санта?

Сантуцца. Я говорю, что, пока вы ездите тут и там
для заработков в дождь и непогоду, кума Лола, ваша же-
на, плохо оказывает честь вашему дому.

Кум Альфио. Клянусь богом, кума Санта, если вы
с утра на пасху пьяны, так я сделаю, что у вас вино вый-
дет носом!

Сантуцца. Я не пьяна, кум Альфио, и говорю дело.

Кум Альфио. Послушайте, если вы мне сказали
правду, я благодарю вас и целую ваши руки, как матери,
если б она могла вернуться ко мне из могилы. Но если вы
солгали — клянусь вам душами моих покойных родствен-
ников, что не оставляю вам даже глаз, которые могли
бы плакать. Не только вам, но и всему вашему подлому
роду!

Сантуцца. У меня нет больше слез, кум Альфио. Не
было их у меня на глазах даже тогда, когда я увидела
Туридду Макка, который обесчестил меня тем, что по-
шел к Лоле, вашей жене.

Кум Альфио (сразу становится совершенно спокойным). Раз это так, — хорошо, я благодарю вас, кума.

Сантуцца. Не благодарите меня — злодейка я.

Кум Альфио. Злодейка не вы, кума Санта. Это они злодеи, они вонзили нож в ваше и в мое сердце. Отравленным ножом поразить бы их сердца — и того мало! Если моя жена будет искать меня, скажите ей, что я пошел домой взять подарок для ее кума Туридду. (Уходит в первый переулок направо.)

Народ возвращается из церкви, расходясь направо и налево. Туридду Макка, Лола, кума Камилла. Нунция, тетушка Филомена проходят, не обращая внимания на Сантуццу, закутанную в мантилью. Она стоит близ переулка в глубине направо. Только дядюшка Брази, пришедший последним, увидел ее.

Дядюшка Брази. Да это кума Санта! Она собралась в церковь, а оттуда уже все ушли!

Сантуцца. Смертный грех на моей душе, дядюшка Брази. (Уходит в сторону церкви.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Дядюшка Брази входит на минуту на постоянный двор. Кума Камилла идет домой. Тетушка Филомена вставляет ключ в замочную скважину.

Нунция входит в таверну, чтобы снять с себя мантилью.

Туридду (Лоле, которая тоже направляется домой).

Лола, вы так и уходите, не сказав мне ни слова!

Лола. Иду домой. Беспokoюсь о муже. В церкви я его не видела.

Туридду. Не беспокойтесь, он явится сюда на площадь. Выпьем по стакану вина, друзья и соседи, за наше здоровье, отпразднуем пасху. Идите к нам, Камилла, и вы тоже, тетушка Филомена.

Тетушка Филомена. Иду, иду! (Входит в дом, положила мантилью и тотчас же возвращается обратно.)

Л о л а. Благодарю вас, кум Туридду, мне пить не ~~за~~ чется.

Т у р и д д у. Не обижайте меня, кума! Вы разве за что-нибудь сердитесь на меня?

Л о л а. За что я могу сердиться на вас?

Т у р и д д у. Вот и я говорю: сердиться на меня не за что, ведь я ничего плохого вам не сделал. Да и кроме того, в день пасхи надо прощать всякому. Пошлем за кумом Альфио, вашим мужем, пусть и он с нами выпьет стакан вина.

Д я д ю ш к а Б р а з и (подходя). Повеселимся, повеселимся!

К у м а К а м и л л а. Где пьют — вы уж тут как тут! (Складывает мантилью, перекидывает ее через руку.)

Т у р и д д у (крича в таверну). Мать, есть у тебя еще то хорошее вино?

Н у н ц и я (выглядывает, ворча). Да, то вино, что ты должен был привезти из Франкофонте!

Т у р и д д у. Не ворчите, сегодня ведь пасха! Хоть вы-то не делайте недовольного лица! Я все объясню вам потом. Видите, друзья уже ждут!

Т е т у ш к а Ф и л о м е н а. Да, тетушка Нунция, сегодняшняя продажа выручки не даст.

Т у р и д д у. Плачу я, плачу я из моего кармана.

Н у н ц и я идет в таверну.

Д я д ю ш к а Б р а з и. У кого есть, тот и тратит!

Л о л а. Представляю себе, как вы ухаживали за женщинами там, когда были в солдатах. Сразу виден навывк!

Т у р и д д у. Ну, что вы, какие там женщины! У меня в мыслях была только родина.

К у м а К а м и л л а. Рассказывайте это покойникам!

Т у р и д д у. Слово даю, кумушка Камилла! Правда, берсальеры для женщин все равно, что мед... Одни перья чего стоят. Одна — красавчик, пойдя сюда; другая глазка-

ми и так и этак. Но я не из тех, о которых говорится:
«Глаз долой — из сердца вон».

Лола. Ах, мужчины, кто им верит!

Туридду. Ну, уж нет, скорее так можно сказать о женщинах. Сперва клянутся, а потом стоит только бедняге уехать — конец. Не ест он, не спит, все думает, мечтает о ней. И вдруг его, как громом, поражает новость: такая-то выходит замуж!

Тетушка Филомена. Браки, как и епископы, — они от неба.

Лола. Да, так мы вам и поверили! Кто это поверит, будто вдали от своих он думает все об одной, когда кругом столько женщин! И будто даже на других и не взглянет? Надо сказать, некоторые тут же утешаются с первой подвернувшейся.

Туридду. Это неверно, совсем неверно!

Нунция возвращается с кувшином и стаканом.

Нунция. Вот все, что осталось. Сам виноват!

Кума Камилла. Повеселимся, повеселимся!

Дядюшка Брази. Давайте пить и веселиться, как вы говорили!

Туридду. Я что говорю, то и делаю! Вам, мама, можно поднести?

Нунция. Нет, не хочу. *(Ворча, уходит в дом.)*

Туридду. Почему-то сердится... старики уж всегда так! Забывают, что и они были когда-то молоды. За ваше здоровье, Лола. Пейте, кумушка Камилла, пейте, дядюшка Брази. На сегодня пусть сгинет печаль!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Кум Альфио выходит справа. Туридду, дядюшка Брази, Лола, кума Камилла и тетушка Филомена.

Кум Альфио. Привет всей компании!

Туридду. Идите к нам, кум Альфио, выпейте с нами

стаканчик вина. Выпьем за здоровье друг друга. *(Наливает стакан.)*

Кум Альфио *(отталкивая стакан)*. Благодарю вас, кум Туридду. Не надо мне вашего вина, оно мне не пойдет в прок.

Туридду. Как вам будет угодно. *(Выплескивает вино на землю и ставит стакан на столик.)*

Одно мгновение они молча смотрят друг другу в глаза.

Дядюшка Брази *(делает вид, что его кто-то зовет под навес)*. Иду, иду!

Туридду. Так что вы хотите мне сказать, кум Альфио?

Кум Альфио. Ничего, кум. То, что я хотел бы вам сказать, вам и так известно.

Туридду. Я к вашим услугам.

Дядюшка Брази из-под навеса делает знаки жене, чтоб она шла домой. Кума Камилла уходит.

Лола. Что это за разговор?

Кум Альфио *(не обращая внимания на жену, отстраняет ее рукой)*. Если хотите, выйдем за околицу, там мы сможем поговорить на свободе.

Туридду. Ждите меня у последних домов, я зайду на минуту к себе домой, возьму, что надо, и тотчас же буду к вашим услугам.

Обнимаются, целуются. Туридду слегка кусает ухо Альфио.

Кум Альфио. Здорово это у вас вышло, кум Туридду. Видно, у вас доброе намерение. Это у нас называется словом честного молодого человека.

Лола. Пресвятая дева, куда идете вы, кум Альфио?

Кум Альфио. Недалеко иду. И тебя это не касается. Было бы лучше для тебя, если бы я совсем не вернулся.

Тетушка Филомена *(уходя, шепчет)*. Исус-Мария!

Туридду *(отзывает в сторону кума Альфио)*. Послу-

шайте-ка, кум Альфио. Я знаю, что я неправ перед вами, и я бы дал вам себя зарезать, не говоря ни слова. Но у меня есть долг совести перед Сантой. Это я погубил ее. И как бог свят, я убью вас, как собаку, чтоб она, бедняжка, не осталась на улице.

Кум Альфио. Ладно. Делайте, как знаете. (Уходит в переулок в глубине направо.)

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Туридду и Лола.

Лола. Туридду, в такую минуту и вы покидаете меня!

Туридду. Теперь конец. Между нами все кончено. Разве вы не видели, что мы с вашим мужем обнялись и поцеловались на жизнь и на смерть? Мама, где вы?

Нунция (показывается). Что надо?

Туридду. Мама, ухожу по делу. Не пойти не могу. Дайте мне ключи от калитки, я выйду со стороны огорода, там ближе. А вы, мама, обнимите меня, как тогда, когда я уходил в солдаты и вы боялись, что я не вернусь. Сегодня ведь день пасхи.

Нунция. Что ты там болтаешь?

Туридду. Так, болтаю... от вина. Выпил лишнее и хочу немного погулять, чтоб прошел угар. В случае чего... Санта, у нее нет никого на свете... Позаботьтесь о ней, мама. (Входит в дом.)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Нунция поражена, Лола в сильном волнении.

Кума Камилла выглядывает из переулка. Тетушка Филomena стоит на пороге своего дома. Дядюшка Бразилу навеса.

Нунция. Что все это значит?

Дядюшка Бразилу (подходит к Лоле, заботливо). Лола, идите-ка вы домой, идите.

Лола (*в сильном волнении*). Зачем мне идти домой? Дядюшка Брази. Нехорошо, чтоб в такую минуту вы были здесь на площади. Хотите, я провожу вас... Ты, Камилла, останься здесь с кумой Нунцией на случай, если...

Тетушка Филомена (*подходя*). Исус-Мария! Исус-Мария!

Нунция. Но куда же пошел мой сын?

Кума Камилла (*наклонившись к уху, спрашивает у мужа*). Что случилось?

Дядюшка Брази (*шопотом*). Что ж ты, не видела, глупая, как он укусил его за ухо? Ведь это значит: я тебя убью или ты меня!

Кума Камилла. Пресвятая дева Мария, отведи беду!

Нунция (*приходит все в большее и большее волнение*). Но куда же ушел мой сын Туридду? Что все это значит?

Лола. Это значит, Нунция, что пасха у нас получилась несчастливая. А вино, что мы пили вместе, обратится в отраву.

Пиппуцца (*выбегая из глубины сцены*). Убили Туридду! Убили Туридду!

Все бегут в глубь сцены с криками и воплями. Нунция вне себя, рвет на себе волосы. Двое карabinеров пробегают через сцену.

ЗАНАВЕС

В ШВЕЙЦАРСКОЙ

(НАРОДНЫЕ СЦЕНЫ)
В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Баттиста — швейцар.
Джузеппина — его жена.
Малия }
Джильда, модистка } его дочери.
Карлини — рабочий.
Ассунта — служанка.
Дон Джероламо — священник.
Хозяйка дома.
Доктор.
Луизина — продавщица газет.
Анджолино — повар.
Натурщица.
Почтальон.

Действие происходит в Милане.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Двор старого дома. Направо — колодец, налево — дверь магазина, в глубине — портик и проход между воротами и двором. Под портиком направо — застекленная дверь швейцарской, налево — лестница, посредине — калитка прохода. За калиткой направо — входная дверь в швейцарскую, в глубине — дверь на лестницу.

Сумерки. На улице время от времени видны прохожие, зажигаются фонари. Слышен голос Луизины, которая выкрикивает названия газет «Секоло», «Пунголо», «Корриере делла Сера».

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Джузеппина и Луизина.

Джузеппина (*проходит через портик по левой стороне и кричит в швейцарскую*). Малия, пора зажигать газ!

Луизина (*входит с улицы в глубине*). «Пунголо», «Корриере»! Синьора Джузеппина, а синьора Джузеппина!

Джузеппина. Я здесь!

Луизина (*передает ей газеты через калитку*). Вот вам! (*Вполголоса.*) Имейте в виду, что у вашей Джильды есть вздыхатель, который за ней бегаёт.

Джузеппина. У Джильды? Ах, мадонна!

Луизина. Ну да. Я видела их около моста. Она устраивала ему такую сцену! Была вне себя. Грозила не более и не менее, как броситься в канал!

Джузеппина. О, боже мой! Что вы говорите!

Луизина. Никогда ведь не знаешь... Лучше предупредить вас... Правильно я говорю?

Джузеппина. Очень вам благодарна, Луизина.

Луизина. Дорогая моя, мы ведь матери! Только, прошу вас, не выдавайте меня! *(Выходит, выкрикивая.)* «Секоло», «Пунголо», «Корриере делла Сера»!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Малия и Джузеппина, затем почтальон и немного спустя Карлини.

Малия *(выходит во двор из швейцарской с зажженной свечой)*. Мама, и на лестнице тоже?

Джузеппина. Да, да... *(Бормочет про себя.)* Я ей задам!

Почтальон *(кричит в дверь, ведущую на улицу, в глубине)*. Почта! *(Входит в швейцарскую из входа за калиткой, в то время как Джузеппина входит из-под портика.)*

Карлини выходит из магазина, подходит к фонтанчику, чтобы помыть руки.

Карлини. А, синьорина Малия! Добрый вечер!

Малия *(мило и застенчиво улыбается)*. Добрый вечер, синьор Карлини.

Карлини. Очень рад, очень рад! Теперь вам уже лучше, не правда ли? Вижу, что вы уже начали выходить. *(Вытирает руки платком.)* Позвольте, я вам помогу.

Малия. Спасибо, не беспокойтесь...

Карлини *(берет у нее свечу из рук)*. Дайте, дайте, я сделаю. *(Зажигает фонарь под портиком.)*

Почтальон *(выходя из швейцарской, Джузеппине)*. Дорогая моя, я ничего не знаю. Сдают на почту, а мы потом разносим. *(Уходит.)*

Малия. Благодарю вас за любезность, синьор Карлини. Спасибо.

Карлини. Не за что, не за что. Я очень рад, что вы

поправились. Вы еще немного бледны, но это ничего, пройдет.

М а л и я (с печальной улыбкой). Да, теперь мне лучше... Доктор говорит, что лучше...

К а р л и н и. Хорошо, хорошо, я очень рад.

М а л и я (застенчиво). Вы правду говорите, синьор Карлини?

К а р л и н и. Да, от всего сердца.

М а л и я (покраснев, опускает голову). А мне, наоборот, казалось, что вы обо мне больше не думаете.

К а р л и н и. Что вы! Как это вам могло притти в голову?

М а л и я. Вы так давно не были у нас.

К а р л и н и. Что делать! Очень много работы в магазине.

М а л и я. Я вижу, вы все там.

К а р л и н и. Да, да. Ваша сестра еще не вернулась домой?

М а л и я. Бедняжка Джильда! Она тоже очень занята — у модистки много работы!

К а р л и н и. Вот видите, у каждого своя забота! Не хочется приходить, надоедать людям!

М а л и я. Ну, что вы говорите!

К а р л и н и. Нет, ничего, я ничего не говорю... Я не могу вам сказать...

М а л и я. У нас в доме вас все любят!

К а р л и н и. Спасибо на добром слове. Вы все та же, не изменились... А ваша сестра что говорит?

М а л и я. Ничего... я не знаю...

К а р л и н и. Вероятно, у нее есть свои заботы... Прежде она не была такой!

М а л и я (смотрит ему в глаза, немного взволнована). Почему?

К а р л и н и. Нет, ничего... (Вынул из петлицы гвоздику, подает ей.) Разрешите дать вам этот цветок?

М а л и я (очень обрадовалась, покраснела). О, синьор Карлини! Благодарю вас!

К а р л и н и. Вы такая добрая! Вы заслужили не только это, а гораздо большее! Я так рад, что вы поправились!

М а л и я (рада и тронута, но все же смущается). Нет, это скорее вы! Вы очень добрый! (Нюхает цветок.) Благодарю вас! Какой прекрасный вечер!

К а р л и н и. Уж и жарко было сегодня!

М а л и я (смугилась, увидев, что кто-то идет). До свиданья, добрый вечер! (Убегает вверх по лестнице.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Н а т у р щ и ц а входит в дверь, выходящую на улицу; К а р л и н и стоит по ту сторону калитки; потом Д ж у з е п п и н а, она выходит из швейцарской, и, наконец, А с с у н т а и М а л и я, на лестнице.

Н а т у р щ и ц а (заглядывает в швейцарскую из дверей по ту сторону решетки). Прошу вас, мне надо видеть синьора Флори, художника! (Пауза.) Он ничего не просил передать, если его будут спрашивать? (Пауза.) Уехал. Так неожиданно! Хорош гусь! Передайте это ему! Препротивная рожа, так и скажите ему, от имени его натурщицы! (Уходит, хлопнув стеклянной дверью в швейцарской.)

К а р л и н и. Пст, пст!

Н а т у р щ и ц а (оборачивается, обовлившись). Дурак! (Выходит в дверь в глубине.)

Д ж у з е п п и н а выходит во двор из швейцарской.

Д ж у з е п п и н а. Тебя только не доставало!

К а р л и н и (смеется). Контрабандный товар, синьора Джузеппина?

Д ж у з е п п и н а. И не говорите! Не говорите, просто

безобразие! Целый божий день паломничество! Я уж ему сказала, этому художнику, пачкуну несчастному: дорогой мой, у нас приличный дом... у меня две девушки на выданыи...

Карлини. Серьезно? Вот здорово!

Джузеппина. А он, видите ли, обиделся, решил уехать с квартиры.

Карлини. Туда ему и дорога! Счастливого пути!

Джузеппина. Конечно! Не больно много я потеряла! Каких-нибудь пять лир на рождество да на первое августа. Не бог весть что. А потом, за стирку и за уборку комнат — помесячно, пустяковое жалованье.

Карлини. Однако, простите, иногда... синьорина Джильда... не следовало б ее посылать убирать комнаты к молодому человеку.

Джузеппина. Я посылала ее, когда мне бывало необходимо отлучиться. Не могу же я разорваться! Малия всегда больна... За дверью надо наблюдать. Однако когда я увидела, что нельзя доверять... Ну, что ж, отлично, сказала я. Хочешь жить в пыли и в грязи? Живи на здоровье!

Ассунта спускается с лестницы с Малией, у нее в руках корзинка с бутылками и подсвечник.

Ассунта. Как же, в книжку записала! Если нехватает одной бутылки — скандал. Готова шкуру содрать!

Джузеппина. Мы говорили о художнике, синьора Ассунта! Все еще продолжается паломничество, даже и после его отъезда. Еще одна явилась сюда, искала его!

Ассунта. Сущее безобразие!

Джузеппина. Еще бы! У меня в доме ведь две молодые девушки! (Малия резко.) Нечего тебе здесь слушать!

Малия (сконфузилась). Я уйду, мама. (Уходит в швейцарскую.)

Ассунта. Да уж такое безобразие! Сдают квартиры

бог знает кому, чтоб только получить какие-то там гроши
а потом шкуру сдирают с прислуги.

Джузеппина. А я? Каково мне! У меня две доче
ри, могут ведь нивесть чему научиться!

Карлини. Конечно, в особенности синьорина Джильда

Джузеппина. А что такое? Почему вы так гово
рите?

Карлини (сконфуженно). Я? Нет, ничего, простите

Джузеппина. И все только потому, что ей нравится
погулять с подругами? Что ж! Вполне естественно, в е
м возрасте...

Карлини. Простите меня, вы ее мать, вы и делаете
как считаете нужным. А только подумать все-таки не ме
шало бы. (Уходит.)

Ассунта. Синьор Карлини заботится о синьорине
Джильде. Он любит ее, синьора Джузеппина. Джильда
такая красивая девушка... Надо смотреть в оба!

Джузеппина (вздыхает). Ах, дорогая моя, кому вы
говорите?

Ассунта. Вокруг столько бездельников!

Джузеппина. Конечно, конечно. Если б вы знали,
сколько у меня забот! Посмотрите-ка, что происходит!
Уже вокруг Джильды так и вьются поклонники и посы
лают ей открытки и письма. (Показывает письмо, достав
ленное почтальоном.)

Ассунта. Об этом я и говорю! Надо смотреть в оба!

Джузеппина. Почитайте, пожалуйста, вы лучше ме
ня разбираетесь в этой пачкотне. (Подает письмо.) Я ей
покажу!

Ассунта (читает письмо про себя). Вкратце сказать,
в письме написано, что она дура... большая дура, и не что
другое... Она о себе нивесть что воображает. А этот, ее
вздыхатель, хорош гусь, бросил ее в беде и всем на посме
шище. Уехал к себе на родину, и был таков. А эта, вто
рая, нахалка, радуется... (Возвращает письмо.) Очевидно,
пишет женщина.

Джузеппина. Вот видите! Ах, боже мой, ну, и дам же я ей, когда она явится домой.

Ассунта. Нет, нет, надо осторожно, а то хуже будет. Что вы хотите? Такое личико, как у вашей Джильды, сразу бросается в глаза.

Джузеппина. Это правда. Не потому, что это моя дочь, но если она наденет даже любую тряпку, то выглядит как принцесса... Все, что у нее есть,— все сама заработала; ее отец, слава богу, в дом ни копейки не дает!

Ассунта. Тише, тише. Он идет!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Баттиста и те же.

Баттиста входит с улыбкой, после того как побывал в швейцарской.

Баттиста. Что же? Сегодня не будем обедать? А Джильда все еще гуляет?

Джузеппина. Ну, вот! Он ни о чем другом знать не желает! Что в доме беда — это его не интересует.

Баттиста. Что случилось? В чем дело?

Джузеппина. Ничего! А тебе что за дело? Тебя не интересуют ни жена, ни дочки. Вечно где-нибудь с друзьями! День-денской просиживает у Брузетти!..

Ассунта. Мое почтение! Будьте здоровы! (Берет корзинку и подсвечник, оставленные на лестнице, и убегает в погреб.)

Баттиста. Все понятно! Мое почтение! (Собирается уйти.)

Джузеппина. Очень мило!

Баттиста. Хочешь ссориться? А я не имею ни малейшего желания!

Джузеппина. Ты не желаешь... Тебе приятнее шлаться где-то. А другие пусть себе горе мыкают, как хотят!

Баттиста. Ты кончила?

Джузеппина. У тебя две дочери-невесты! Не стыдно тебе!

Баттиста. Еще не кончила? Теперь уже заладила что дочкам замуж пора!

Джузеппина. Стыдился бы! А ты даже и не думаешь!

Баттиста. Что ж, теперь прикажешь, чтоб я ходил и искал женихов дочкам? Прикажешь хватать всех проходящих за шиворот? Так, что ли?

Джузеппина. Нет, нет, этого не требуется! Но если случится несчастье...

Баттиста. Что?

Джузеппина. Да, да! Ты забываешь, что Джильда уже взрослая? Мало ли головорезов вокруг! Да даже здесь, в доме!

Баттиста. Что ж прикажешь мне, высиживать деток? Или быть карабинером при них?

Джузеппина. Незачем быть карабинером! Я уже потом их призову, когда случится то, что ты заслужил.

Баттиста. Ну, пошла писать!

Джузеппина. Да! Если хочешь знаты! Вокруг твоей дочери так и увиваются поклонники. Вот тебе!

Баттиста. Во-вторых, моя дочь знает свои обязанности. Во-вторых, если она их не знает, то я ее научу! И шутить не стану! Я ведь не из тех, что смотрят сквозь пальцы. С поклонниками я сумею расправиться. И тоже без нежностей, понимаешь?

Джузеппина. Дорогой мой, я прекрасно знаю, что ты хвастун первой руки. Нечего показывать кукиш в кармане да глаза таращить.

Баттиста. Пусть это будет хоть сам господь бог, понимаешь? Я устрою так, что о нем напишут в газетах. Синьорина Джильда будет иметь дело со мной!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Хозяйка дома входит с улицы, затем Ассунта входит из погреба и те же.

Хозяйка дома. Что случилось, Баттиста? Что здесь за шум? Вы думаете, вы в трактире?

Баттиста (снимая шляпу). Приношу извинения, синьора! Мы с женой здесь разговаривали...

Хозяйка дома. Недурно! Имейте в виду, что сегодня я жду гостей. Кто-нибудь из вас пусть подымется ко мне наверх, помочь мне.

Баттиста. Сейчас, синьора, сию минуту.

Хозяйка поднимается по лестнице, уходит.

(Бросает шляпу на пол.) Чистая каторга! Ни дать, ни взять!

Ассунта. Что случилось, синьор Баттиста?

Баттиста. Ничего. Хоть бы издохнуть поскорее! (Уходит из дома.)

Ассунта. Синьора Джузеппина, что случилось?

Джузеппина. Это называется семейное согласие! Если есть какие-нибудь неприятности, переживай одна, а поделишься с ним — начнет беситься.

Ассунта. Вы ему что-нибудь сказали?

Джузеппина. Что я ему могу сказать? Он умеет только кричать! А придет Джильда, начнется светопреставление.

Ассунта. Послушайте... Отчего вы ее не выдадите замуж?

Джузеппина. Дал бы бог! Но за кого?

Ассунта. Простите, а синьор Карлини? Чего он зачастил к вам?

Джузеппина. Этому нравится Малия. Я уже давно заметила...

Ассунта. Нет, нет, синьора Джузеппина, теперь он

влюблен в Джильду. Он все жалуется, что она к нему стала не так относиться, как прежде.

Джузеппина. О, мадонна! Что вы говорите?

Ассунта. Ну, конечно. Я это знаю наверно.

Джузеппина. А Малия забрала себе в голову!

Ассунта. Так надо узнать, как он...

Джузеппина. Да, да, и он тоже! Он каждый вечер приходил, когда она была больна.

Ассунта. Приходил он ради Джильды, дорогая моя!

Джузеппина. Нет, нет! Я делаю только вид, будто ничего не замечаю, но я все вижу!

Ассунта. Пусть будет так. Значит, под боком у той...

Джузеппина. Какая низость!

Ассунта. Так на свете часто бывает, синьора Джузеппина!

Джузеппина. Конечно, может случиться, но какая низость!

Ассунта. Да кроме того... Вы сами скажите... женились бы вы на такой болезненной девушке, как Малия?

Джузеппина. Ах, несчастье мое!

Ассунта. Все мы люди бедные, нужно подумать и об этом.

Джузеппина. А что скажет Малия?

Ассунта. Что она может сказать? Если она сама не может устроиться, так уж лучше уступить место сестре. Что вы об этом думаете?

Джузеппина. Я думаю, что это будет страшным ударом для бедняжки.

Ассунта. Дорогая моя, нужно быть большими господами, чтобы жить, как нам нравится! Вы шутите? Бедняк, у которого ничего нет за душой! Но имейте в виду, прежде всего надо, чтоб был честный человек.

Джузеппина. Честный человек... да, пожалуй...

Ассунта. Вы сами видите, честный ли он человек!

Раз он не женится ни на одной из ваших дочерей?.. Что вы об этом думаете?

Джузеппина. Что делать? Я ведь мать... я сама не знаю, как поступить... И так плохо, и так нехорошо...

Ассунта. Конечно, вы мать! Но раз представляется хорошая партия... Это теперь на полу не валяется!

Джузеппина. Вы правы, но я думаю о той, бедняжке, она ведь так уверена...

Ассунта. Ребячество, дорогая моя! Каждый день бывает... Хотите, я поговорю с синьориной Малией? Она и думать забудет! Давайте позову ее сейчас, а?

Джузеппина. Нет, нет, не сейчас!

Ассунта. Дайте, попробую! Так — поговорим только... *(Кричит в швейцарскую.)* Малия! *(Джузеппине.)* Послушаем, что она скажет.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Малия входит из швейцарской и те же.

Ассунта. Вот вы сами скажите, синьорина Малия: были бы вы рады, если б ваша сестра вышла замуж?

Малия *(удивлена, растерянно смотрит то на одну, то на другую)*. Я? А почему?

Ассунта *(Джузеппине)*. Подождите! *(Малии.)* Вы хотели бы, чтоб ваша сестра вышла замуж за хорошего молодого человека, который был бы для вас братом?.. Да вот хотя бы за синьора Карлини!

Малия *(у нее от волнения прерывается дыхание)*. Синьор Карлини, мама?

Ассунта. Ну, да, что вы об этом думаете?

Малия. Я? Что я думаю? Я должна сказать?

Джузеппина. Да нет, это только пока так, разговоры...

Ассунта. Нет, нет, я знаю, что я говорю! Дайте мне сказать. Синьорина Малия такая рассудительная девушка, она так любит сестру!.. Она будет рада, если по

крайней мере сестра выйдет замуж! Все устроится по любви и согласию.

Джузеппина. Как мой муж захочет.

Ассунта. Ваш муж делает так, как вы хотите. Надо, чтобы теперь свое слово сказала и синьорина Малия.

Малия (приложила руки к груди, говорит, запинаясь от волнения). Что же я должна сказать?

Ассунта. Хотите ли вы, чтоб синьор Карлини был вашим шурином?

Малия. Я... да... если хочет он... и Джильда..

Ассунта. Ну вот, видите, ведь ваша дочь — сокровище.

Джузеппина (целует Малию, со слезами на глазах). Как бы я хотела, от всей души, дать тебе его в мужья!

Малия (шатается, отстраняет мать дрожащими руками). О, мама!.. (Села на ступеньку, очень бледна.)

Джузеппина. Что с тобой?

Малия. Ничего... болит, как всегда... здесь...

Ассунта. Ну, вот! Вы же сами видите, разве можно ее выдавать замуж!

Джузеппина. Ах, господи боже мой!

Малия. Ничего, мама, не пугайся...

Ассунта. Придите в себя, подбодритесь, идет синьор Карлини.

Малия. Нет, это ничего... Ради бога, ничего не говорите ему!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Карлини и те же.

Карлини. Что с синьориной Малией?

Малия минуту печально смотрит на него и, опустив голову, делает какой-то неопределенный жест, не произнося ни слова.

Ассунта. Нет, ничего. Это так, остатки той болезни...

Джузеппина. Это по вашей вине, вы виноваты!

М а л и я. Нет, мама, нет!

К а р л и н и. Я виноват? Что я сделал?

А с с у н т а. Да нет же! Она еще не вполне оправилась, и каждая мелочь...

Д ж у з е п п и н а. Она — ангел. Родилась на свет, чтобы нести крест.

К а р л и н и. Я знаю. Это правда...

Д ж у з е п п и н а. Знаете! И поэтому и вы вбили свой гвоздь!

М а л и я. Мама, перестаньте!

К а р л и н и (*желает оправдаться, прижал руки к груди*). Синьора Джузеппина!

А с с у н т а. Довольно, теперь все уже улажено. Она любит сестру и довольна, что хоть та счастлива.

К а р л и н и. В чем дело? Что случилось?

А с с у н т а. Будет, не скрывайте. Синьора Джузеппина все знает.

К а р л и н и. Кто ей сказал?

А с с у н т а. Я, дорогой мой! Я ей все рассказала, о чем мы с вами говорили. Иначе, зачем же вы мне постоянно надоедаете?

Д ж у з е п п и н а (*Карлини*). Но если у вас было такое намерение, к чему вы вскружили голову этой бедняжке?

К а р л и н и. Я? Скажите вы сами, синьорина Малия!

М а л и я (*тихо и печально*). Да, да... это правда...

А с с у н т а. Иногда какое-нибудь словечко, ничего не выражающее, когда видятся ежедневно... Но синьорина Малия хорошая девушка...

К а р л и н и (*горячо*). Это я первый всегда скажу! Эту девушку невольно полюбишь!

Д ж у з е п п и н а. Все же так выходит, что она, больная, остается у меня на руках.

К а р л и н и. Как бы я хотел быть богатым! Был бы я богат, я б женился на ней и на больной... лечил бы ее у всех докторов и всеми лекарствами на свете! Это я вам прямо говорю в глаза.

Джузеппина. Я знаю, что вы благородный человек, поэтому я вас и пускала к себе в дом.

Ассунта (*Джузеппине*). Вот видите, он бывал у вас в доме с наилучшими намерениями!

Джузеппина. По крайней мере ту мою, вторую, будете ли вы любить?

Карлини. Буду любить обеих! Я хочу быть вам сыном, синьора Джузеппина!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Анджолино входит с левой стороны, потом Джильда и те же.

Анджолино. Эй, эй, Ассунта!

Ассунта. Что тебе?

Анджолино. Хозяйка зовет. Поскорее!

Ассунта. Иду, иду! У меня нет крыльев, чтобы летать, да еще с полной корзинкой!

Анджолино. А, вся компания налицо! И синьорина Маля!

Маля. Здравствуйте, синьор Анджолино!

Анджолино. Вот хорошо! Выздоровели? Я очень рад!

Джузеппина. Видите! А сколько намучилась, бедняжка!

Анджолино (*поворачивается к кулисам*). Иду, что прикажете? (*Уходит.*)

Ассунта. Вот проклятие! (*Берет корзинку и подсвечник, подымается по лестнице.*)

Джузеппина. Я тоже пойду, а то задаст! (*Малии.*) Присмотри за дверью и за обедом.

Маля. Хорошо, мама.

Джузеппина и Ассунта уходят.

Карлини. Идите, идите, синьорина Маля. Не стойте здесь, простудитесь!

М а л и я (с грустной и покорной улыбкой). Вы гоните меня?

К а р л и н и. Что вы, я говорю так потому, что боюсь, чтоб вы не простудились.

М а л и я (с горечью). Нет, мне ничего. А вот вам безразлично!

К а р л и н и (смущен). Вы на меня сердитесь? Скажите!

М а л и я (примиренно, мягко). Нет, синьор Карлини, нет.

К а р л и н и (берет ее за руку). Я хотел бы, чтоб у вашей сестры было такое сердце, как у вас.

М а л и я (вырывает руку, на глазах у нее слезы). Оставьте меня! (С живостью, увидев входящую в дверь с улицы Джильду.) Оставьте меня!

К а р л и н и. Ах, добрый вечер, синьорина Джильда.

Д ж и л ь д а уходит в швейцарскую, не отвечая.

Вы не отвечаете мне? Что с вами?

М а л и я (просительно сложив руки). послушайте, по крайней мере ничего не говорите Джильде! Обо мне ни слова. Ведь она моя сестра, понимаете!

К а р л и н и (растроган). О, синьорина Малия! Вы...

М а л и я. Молчите. Я вас прошу. (С нежностью.) Прощайте, синьор Карлини. (Идет в сторону швейцарской.)

Д ж и л ь д а выходит в эту минуту, она в плохом настроении; в руках у нее пустое ведро.

Д ж и л ь д а. Ах, я думала, вы все ушли гулять. В доме нет ни капли воды!

М а л и я. Мама ушла наверх. Дай я принесу!

Д ж и л ь д а. Нечего храбриться! Иди, иди!

М а л и я (настаивает, хочет взять у нее из рук ведро). Да нет же, ничего...

Д ж и л ь д а (резко). Иди, говорю тебе, иди!

М а л и я уходит в швейцарскую, сконфуженная.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Карлини и Джильда.

Карлини (хочет помочь ей, но еще обижен). И мне нетрудно качать воду. Отчего вы не сказали?

Джильда. Спасибо, не беспокойтесь.

Карлини. Оставьте, я сделаю. (Накачивает воду.)
Хоть для этого гожусь...

Джильда. Почему это вы так говорите?

Карлини. Потому что... потому что... Вы сами знаете!

Джильда (нетерпеливо). Я ничего не знаю, дорогой мой.

Карлини. Ах, нет? Не хотите знать?

Джильда. Осторожнее, прольете.

Карлини. Вы сегодня обращаетесь со мной, как с собачонкой.

Джильда. Знаете, мне надоели все эти сцены!

Карлини. Да что с вами, наконец? Скажите мне, что с вами?

Джильда. Ничего! Что вы находите?

Карлини (волнуется). Нахожу, что вы обращаетесь со мной, как с собакой. Уже давно я вижу, что вы совсем не та! А я, дурак, попрежнему люблю вас!

Джильда. Будьте осторожны, нас могут услышать.

Карлини. Мне все равно. Все и так знают.

Джильда. Что означает этот ваш разговор?

Карлини. Ваша мама теперь уже все знает, и она очень рада.

Джильда. Ну, что ж, ее счастье!

Карлини (уязвлен). Скажите откровенно, что вы меня больше знать не хотите. А я-то был рад и думал, что выиграл целый капитал в лотерее!

Джильда. Чтобы по-настоящему радоваться, не мешало бы и вам и мне выиграть по капиталу в лотерее.

Карлини. И все только потому, что мы не богаты?

Ваши родители не виноваты в том, что вы родились в бедности...

Джилльда. Я в этом тоже неповинна.

Карлини. Так в чем же дело?

Джилльда. Ни в чем. Оставьте меня в покое.

Карлини. Вы больше не любите меня.

Джилльда. Утешитесь как-нибудь.

Карлини. Вот видите, как вы обращаетесь со мной!

Джилльда. Я вам говорю: как-нибудь утешитесь!

Карлини. Эх, когда-то вы так со мной не говорили! Это значит, что у вас что-то другое есть на уме.

Джилльда. Послушайте, оставьте вы меня сегодня в покое?

Карлини. Ах, так? Могу вас оставить.

Джилльда. И отлично.

Карлини. Я вас оставляю. Но я хочу вам сказать о себе...

Джилльда. Знаете, мне очень надоело!

Карлини (*на минуту растерялся, потом срывает шляпу с головы*). Да, я — осел. Настоящий дурак! (*Увидев, что идет Малия, входит в магазин, с силой захлопывает дверь.*)

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Малия и Джилльда.

Джилльда (*раздраженно Малии*). Подслушивала?

Малия. Нет, клянусь тебе...

Джилльда. Впрочем, мне это безразлично.

Малия. Джилльда, что я тебе сделала дурного?

Джилльда. Мне — безразлично. Можешь передать это синьору Карлини.

Малия. Я?

Джилльда. Да, ты думаешь, он не знает? Посмотри, как ты побледнела.

М а л и я (печально). О, Джильда!.. Как плохо ты ~~от~~ носишься ко мне.

Д ж и л ь д а. Видишь, какая я злая. (Вытирает глаза, с досадой.) Пусть я сломаю себе шею, для всех будет лучше!

М а л и я (живо, закрывает ей рот рукой). Молчи! Не говори так.

Д ж и л ь д а. Оставь меня. Мне все так надоело! Не могу больше выносить эту жизнь!

М а л и я. Почему? Что с тобой?

Д ж и л ь д а. Ничего. Тебе я не могу сказать.

М а л и я (голос ее слегка дрожит). Подумай о маме, у нее, у бедняжки, столько горя! Сколько она пережила из-за меня, из-за моих вечных болезней!

Д ж и л ь д а. Уж лучше бы я умерла!

М а л и я. Подумай о нем... он ведь так любит тебя!

Д ж и л ь д а. Спасибо! Он очень добр!

М а л и я. Он говорит, что и ты его любила... Тогда...

Д ж и л ь д а. Тогда было тогда!

М а л и я (испуганно). Джильда!

Д ж и л ь д а. Тогда было тогда. Теперь у меня совсем другое в голове.

М а л и я. Бедный! Что ж он будет делать?

Д ж и л ь д а. Что будет делать? (Держит голову Малии обеими руками и смотрит ей пристально в глаза.) Ты — святая! Прости меня! (Снова досадливо вытирает глаза.)

М а л и я (вся дрожит, обнимает Джильду). Нет, Джильда, нет! (Наклонила голову.) Я тебе все скажу! Как на исповеди, перед смертью... Ты же знаешь, что я была при смерти! Он мне не сказал ни слова... Никогда, ни слова! Он приходил только потому, что я была больна... Только поэтому, клянусь тебе! клянусь тебе! Он только жалел меня... А я, глупая... (Рыдает, закрыв лицо руками.)

Д ж и л ь д а (растрогана, сдерживает слезы). Видишь, видишь, какая я стала злая!

М а л и я (*покраснела, старается улыбнуться сквозь слезы*). Но теперь я об этом больше не думаю! Видишь, я сама над этим смеюсь! Только вы были бы счастливы!

Д ж и л ь д а. Нет, этого не может быть... Скажи ты ему, ты — хорошая, ты заслужила счастье...

М а л и я (*растерялась, поражена*). Нет! Я — нет!

Д ж и л ь д а (*резко*). Скажи ему, что хочешь... Мне безразлично.

М а л и я (*умоляюще*). Но почему? Почему же?

Д ж и л ь д а. Хочешь знать, почему? Нет... тебе я не могу сказать, ты — святая.

М а л и я (*умоляюще сложила руки*). О, Джильда!

Д ж и л ь д а. Скажи ему, что я обещала другому... Что теперь все кончено...

М а л и я (*Джузеппине, которая спускается с лестницы*). Ах, мама, мама!..

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Джузеппина и те же, потом Карлини.

Д ж у з е п п и н а (*Джильде сердито*). Ну, пришла наконец!

Д ж и л ь д а. Послушайте, мама! Оставьте меня сегодня в покое. Я не расположена слушать наставления.

Д ж у з е п п и н а. Я тебе покажу наставления! Увидишь! Услышишь, что тебе скажет отец, когда он вернется домой!

М а л и я. Мама, ради бога!

Д ж и л ь д а. Оставьте меня в покое, или я что-нибудь натворю!

Д ж у з е п п и н а. Это ты мне так отвечаешь? Матери так отвечаешь, вдобавок ко всему!

Д ж и л ь д а. В конце концов, в чем дело? Чего вы от меня хотите?

Джузеппина (размахивает перед лицом Джильды письмом). Вот, вот в чем дело!

Малия (видя, что идет Карлини, умоляюще). Мама, сюда идут!

Джильда. Устраивайте при всех сцены!

Джузеппина. Услышишь, что тебе скажет отец, когда вернется домой!

Карлини (становится между ними). Оставьте, синьора Джузеппина!..

Джильда. Вы тоже меня оставьте в покое!

Джузеппина. Дура! Ты дура, и получила то, что заслужила!

Джильда (в сильном волнении, вырывает из рук матери письмо). Ах, так! Вы этого желаете? (Выбегает в швейцарскую.)

Карлини (Джузеппине). Видите, как она со мной обращается?

Малия. Ради бога, синьор Карлини!

Джузеппина (Карлини). Теперь еще вы будете мне устраивать сцены, господи, боже мой!

Карлини. Сцены! Да, буду устраивать! Кому следует устрою! Я узнаю, что под этим кроется!

Малия. Послушайте, послушайте!

Карлини. Что мне слушать? Разве вы не видите — все кончено! Значит, что-то есть!

Малия (в большом волнении). Нет! Я вам скажу, я! Я хочу вам сказать, в чем дело...

Карлини. Она не должна была со мной так поступать. Я так любил ее! Сколько раз она клялась мне вот здесь, на этом самом месте!

Малия (Карлини). Вот! Вот почему... Мама, я могу это сказать только наедине ему... Вот в чем дело... Из-за меня. Она ведь моя сестра... Она так любит меня... Она думала, что и я... его... (Джузеппине.) Мама, я не могу при тебе...

Джузеппина (качая головой, печально). Да, да...

Ты родилась, чтобы нести крест. *(Выходит в швейцарскую.)*

М а л и я. Понимаете? Вы поняли, что я хотела сказать?

К а р л и н и. Нет, нет! Это только предлог, поверьте мне!

М а л и я. Она боится, что я всегда думаю о вас... Боится причинить мне большое горе.

Д ж у з е п п и н а *(выбегает, как сумасшедшая, из швейцарской на улицу, кричит)*. Стой! Стой! Моя Джильда! Моя дочь!

М а л и я. Ах, синьор Карлини, ах! *(Бросается бежать и падает в обморок под портиком.)*

ЗАНАВЕС

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Швейцарская. Направо камин, лестница на чердак, большое окно и стеклянная дверь, выходящая во двор. Впереди перед камином кресло, диван и несколько стульев. Налево — вешалка и большая доска, на которой висит зеркало; около входной двери стоит комод и этажерка, за креслом ширмы, на камине горит газовый рожок. В глубине в стеклянную дверь и в окна виден направо проход к дому и налево портик и двор, которые тоже освещаются газовыми рожками.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Малия сидит в кресле, очень бледная и исхудавшая. Время от времени она откидывает голову на подушки, которыми ее обложили. Ассунта стоит около нее. Джузеппина у двери провожает доктора; он собирается уходить.

Доктор (нажав дверную ручку, пожимает плечами, вполголоса говорит Джузеппине). Что мне вам сказать? Она молодая — еще протянет некоторое время. Ну, одним словом, если хотите, зовите священника.

Джузеппина (в ужасе, сложив руки). О, боже мой!

Ассунта (Малии, которая тревожно следит за ними). Послушайте меня, послушайте меня!

Доктор (так же, Джузеппине). Да нет же. Я так говорю потому, что знаю, как это бывает: если останется жива — мадонна сотворила чудо; а если умрет — доктор уморил. При болезни сердца не шутят — каждую минуту все может случиться. Я умываю руки. (Уходит.)

М а л и я. Что сказал доктор?

Д ж у з е п п и н а (убита, старается это скрыть). Ничего, доченька. Хорошо... Поправляешься...

М а л и я (делает отрицательный жест головой). Нет, мама, я плохо себя чувствую.

Д ж у з е п п и н а (старается успокоить ее, но в голосе слышны слезы). Будь уверена, что мадонна совершит чудо. Сегодня день святого Георгия; я дала обет, если ты выздоровеешь, мы все вместе отпразднуем его день.

М а л и я (делает жест головой, как бы желая самой себе подтвердить сказанное матерью). Непременно, мама!

Д ж у з е п п и н а. Знаешь, твой дядя, священник, просил передать, что хочет навестить тебя.

М а л и я (растерялась, пристально смотрит на мать, в глазах тревога). Ах! Дядя-священник? Он так редко у нас бывает! Значит, мне хуже, мама?

Д ж у з е п п и н а. Нет, дорогая, нет!

А с с у н т а. Господи, боже мой! Священники и доктора всегда так говорят, чтобы приписать себе заслугу... Послушайте меня! Нужно пойти к гадалке, дать ей три лиры и прядь волос — и она, как в зеркале, увидит все; что у вас есть и чего нет. Без длинных разговоров даст вам свой совет в двух словах.

М а л и я. Мама! А может, правда?

А с с у н т а. Да, да, я все сделаю. (Подходит, берет со скамьи ножницы.) Дайте я отрежу прядку волос, сбегая и через минутку принесу ответ от гадалки.

Д ж у з е п п и н а (останавливает ее). Нет, нет, синьора Ассунта! Говорят, нехорошо отстригать волосы у больных.

А с с у н т а. Какая чепуха!

Д ж у з е п п и н а. Да... Говорят, голова уходит следом за волосами...

А с с у н т а. Какие глупости! Вы ведь знаете мою племянницу Дорину. Она жива и здорова, а сколько раз ей отрезывали прядку волос, чтобы вылечить ее! И еще эта

же гадалка помогла ей найти серьгу, которую Дорина потеряла в этом году во время карнавала...

М а л и я (примиренно). Делайте, как хотите. Делайте, все, как хотите...

А с с у н т а. Вот здесь, где незаметно... Дайте я... Пусть как будто для возлюбленного. (Джузеппине.) Обещаю вам, что гадалка сразу поставит ее на ноги, лучше, чем вы и я. Ну, а уж если такая ее судьба,— семья не будет разоряться на докторов и лекарства и не будете ей портить желудок всякой дрянью.

СЦЕНА ВТОРАЯ

М а л и я и Джузеппина, затем почтальон, хозяйка дома и Анджилино.

М а л и я (после короткого молчания). Мама, который час?

Д ж у з е п п и н а. Что-то еще не слышно, чтоб продавали «Секоло».

М а л и я. Вероятно, синьора Луизина тоже празднует день святого Георгия.

Д ж у з е п п и н а (ласкает волосы Малии). На будущий год, бог даст, мы все вместе поедем праздновать день святого Георгия.

М а л и я (два-три раза наклоняет голову, тихо). Да, мама...

Входит почтальон.

П о ч т а л ь о н. Почта! (Оставляет на столе газеты и письма и выходит.)

Д ж у з е п п и н а (распределяет почту по клеткам шкафика). Хочешь посмотреть картинки в «Иллюстрационе»?

М а л и я. Нет, мама... Я устала...

Д ж у з е п п и н а. Посмотри так, сидя. Я хотела немного развлечь тебя. (Перелистывает журнал.)

Пауза.

М а л и я (*задумчиво*). Мама... Почему меня хочет навестить наш дядя-священник?

Д ж у з е п п и н а (*печально*). Просто так, доченька... Не огорчайся!

М а л и я (*покорно*). Нет, мама, если хочешь, позови его.

Д ж у з е п п и н а. Успеем... успеем...

Пауза.

М а л и я (*тревожно*). Мама, пойди посмотри, который час.

Д ж у з е п п и н а. Сейчас пойду. (*При виде хозяйки.*) Хозяйка.

Х о з я й к а д о м а (*заглядывая в дверь*). Как себя чувствует больная?

Д ж у з е п п и н а. Все в воле божьей, синьора! Вот она.

М а л и я. Здравствуйте, синьора!

Х о з я й к а д о м а. Добрый вечер, дорогая. Доктор был сегодня?

Д ж у з е п п и н а. Да, синьора, только что был. Говорит все то же. Что я могу сделать, пресвятая мадонна? Надеемся только на чудо!

Х о з я й к а д о м а. Да, да, бедняжда. Добрый вечер.

М а л и я. Благодарю вас, синьора. Добрый вечер.

М

Х о з я й к а уходит.

Д ж у з е п п и н а (*с нежностью*). Вот видишь, все говорят, что бог сотворит чудо.

М а л и я. Да, мама.

Д ж у з е п п и н а. Тебе ничего не нужно?

М а л и я. Нет... ничего.

Д ж у з е п п и н а. Тогда я пойду. (*Видя входящего Анджелино.*) Пойду на минутку, пока здесь синьор Анджелино.

А н д ж о л и н о. У вас вид лучше сегодня. Это хорошо. Ассунта пошла к гадалке.

М а л и я. Господь воздаст ей!

А н д ж о л и н о. Синьорина Малия заслужила...

М а л и я. Господь вознаградит ее... за ее доброту... И все соседи так ко мне внимательны...

А н д ж о л и н о. Вы ведь сами знаете, вас все любят! Хоть бы Ассунта пришла с добрыми вестями!

М а л и я. Мадонна сотворит чудо!

А н д ж о л и н о. Да, бедняжка моя. Через чистилище вы прошли уже здесь, на земле! (*Джузеппине, которая входит.*) Я говорю, синьора Джузеппина, хоть бы от Гадальки жена принесла хорошие вести!

Д ж у з е п п и н а. Хоть бы!

А н д ж о л и н о. Бывают счастливые случаи. Вы еще молодая — выздоровеете. Надо побольше есть, пить и быть веселой: вот что необходимо! Бегу, некогда. До свиданья.

М а л и я. До свиданья, синьор Анджолино.

Д ж у з е п п и н а. Добрый вечер, добрый вечер.

Анджолино выходит. Малия вытирает глаза.

М а л и я. Нет, мама... Я даже рада. Я вижу, что меня все любят. Теперь, когда я так больна, все, все меня любят!

Д ж у з е п п и н а. Да, да, дорогая!

М а л и я (*печально*). Но я выздоровею, ведь правда? Мама, я выздоровею? Мне не так уж плохо? Правда?

Д ж у з е п п и н а. Нет, нет!

М а л и я (*делает жест головой, с печальной и нежной улыбкой*). Я тоже всех вас очень люблю. Всех очень, очень люблю.

Д ж у з е п п и н а. Не волнуйся, доктор сказал, чтоб ты ни о чем не думала.

М а л и я. Я не могу, мама.

Д ж у з е п п и н а. Надо.

Пауза. Джузеппина варит суп на огне камина.

М а л и я. Мама, отец скоро вернется?

Джузеппина. Скоро, скоро... вот уже тоже! Не волнуйся!

Малия. Не говори ему ничего... Столько у нас горя. Он потому и уходит из дома, бедняжка! Ты, мама, нет... (Нежно и грустно улыбается ей.) Ты привыкла к несчастьям! Теперь из-за меня мучаешься, бедная ты моя!

Джузеппина (у нее слезы на глазах). Ну вот, теперь я рассержусь!

Малия. Не надо... я молчу! (Пауза.) Мама, ты поставила рис варить?

Джузеппина. Да, да, поставила.

Малия. Вот видишь, я теперь совсем не помогаю тебе.

Джузеппина. Еще что! Не выдумывай!

Малия. Я так сказала потому, что, когда выздоровею, я все в доме буду делать сама, ты тогда отдохнешь, мамочка!

Джузеппина. Да, доченька, да.

Малия (нежно улыбаясь, вполголоса). Я останусь дома... с тобой и с отцом... Навсегда! Понимаешь? До самой старости...

Джузеппина. Да, да, только успокойся.

Малия (наклонив голову, стыдливо). Понимаешь... Я вас не оставляю... Я замуж не выйду...

Джузеппина. О, господи, ну, что это за разговоры! Нарочно, чтобы только мучить себя!

Малия. Нет, нет. Мне ничего.

Пауза.

(Плачет.) Мама, когда меня не будет, и ты больше никогда не увидишь меня, как ты будешь одна?

Джузеппина (тоже плачет). Ну, послушай, Малия...

Малия (взяла мать за руку и прижалась к ней). Нет, мама! Я спокойна, видишь! (Пауза.) Джильда присылала узнавать о моем здоровье?

Джузеппина (печально). Да, бедняжка. И денег прислала.

М а л и я. Почему вы мне не позволяете повидаться с сестрой?

Д ж у з е п п и н а (вздыхает). Ах, боже мой, если б это от меня зависело!

М а л и я (умоляюще). Простите ее!

Д ж у з е п п и н а (плачет). Да я-то простила. Столько горя!

М а л и я. Я скажу отцу... когда мне станет немного лучше... Он тогда будет рад, бедный, и сделает это ради меня.

Д ж у з е п п и н а (обнимает ее). Дорогая ты моя! Ангел настоящий!

М а л и я (отстраняя мать, меняется в лице). Нет, не надо... Нехватает дыхания... (Колеблется минуту.) А синьор Карлини не приходил сегодня, мама?

Д ж у з е п п и н а. Он уехал за город с друзьями праздновать день святого Георгия.

М а л и я (нежно улыбаясь). Если я выздоровею, мы все вместе поедем праздновать день святого Георгия. Правда?

Д ж у з е п п и н а. Да, доченька!

М а л и я. И синьор Карлини поедет с нами!

Д ж у з е п п и н а. Да, да, и он. (Видит входящего священника.) А вот и твой дядя! Здравствуйте, дон Джероламо.

Маля взволновалась, меняется в лице.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Дон Джероламо и те же.

Дон Джероламо. Добрый вечер, добрый вечер! Как здоровье больной?

Д ж у з е п п и н а. Как госпoду угодно. Видите, бедняжка!

Дон Джероламо. Я слышал, что она нездорова, и зашел ее навестить.

М а л и я. Мама, почему ты плачешь?

Д о н Д ж е р о л а м о (*Джузеппине*). Почему ты плачешь? Видишь, твоя дочь рассудительнее тебя! Это воля божья, и так к этому и нужно относиться. Что сказал доктор?

Д ж у з е п п и н а. Все они обманщики! Ходят без конца, а толку нет!

Д о н Д ж е р о л а м о. Настоящий врач там, наверху! Он врачует и душу и тело. Предоставьте все ему, он знает, что творит.

Д ж у з е п п и н а. Дон Джероламо, как вы прекрасно говорите!

Д о н Д ж е р о л а м о. А та несчастная, твоя вторая дочь?

Д ж у з е п п и н а. Горе мое! Заноза в сердце!

Д о н Д ж е р о л а м о. Еще бы, еще бы! Когда я ее встречаю, просто сгораю от стыда! Вся в шелках, перья на шляпе, всегда в экипаже, словно герцогиня какая-то... Позор для всех родных и родственников! Что отец думает?

Д ж у з е п п и н а. Он не хочет ни видеть, ни слышать о ней... Для него она умерла.

Д о н Д ж е р о л а м о. Прежде бы получше смотрел!

Д ж у з е п п и н а. Ну, конечно, дон Джероламо. Я всегда это ему говорила.

Д о н Д ж е р о л а м о. Да и он тоже, не могу сказать, чтоб подавал ей хороший пример. И этот его вечный недостаток... Ну, не будем об этом больше говорить, пусть господь смягчит у обоих сердца.

Д ж у з е п п и н а. У бедной Джильды доброе сердце! Она как только могла помогала своей сестре во время ее болезни.

М а л и я. Мама, я хотела бы поговорить с глазу на глаз с дядей... Ты опять плачешь?

Д ж у з е п п и н а (*вытирает фартуком глаза*). Нет, нет... я на минутку выйду на воздух. Видишь, я не плачу... (*Уходит.*)

Дон Джероламо. Молодец, молодец! Ты всегда такой была, господь может даровать тебе милость исцеления, но лучше быть готовой исполнить его волю. Все мы с минуты на минуту можем умереть.

Малия. Да, дядюшка.

Дон Джероламо. Говори, я готов выслушать тебя.

Малия. Да, дядюшка.

Дон Джероламо. В каких прегрешениях хочешь исповедаться мне?

Малия. Я не знаю... Не знаю, как сказать...

Дон Джероламо. Что у тебя на совести? Какое-нибудь прегрешение против родителей или же против ближних твоих? Какой-нибудь грешок молодости?..

Малия. Да, дядюшка... Вот здесь... на сердце у меня тяжесть... не знаю, как сказать...

Дон Джероламо. Господь слушает тебя, он полон милосердия, дочь моя. Расскажи ему и испроси у него прощение.

Малия. От всего сердца прошу его простить меня!

Дон Джероламо. Хорошо. Чем согрешила?

Малия (*побледнела и изменилась в лице*). Я любила... одного человека...

Дон Джероламо. Это не грех, если то было с разрешения родителей и угодно было богу.

Малия. Нет, дядюшка... Они ничего не знали... Он служил в магазине, у нас во дворе... и вот, я видела его каждый день... Потом, когда я заболела в первый раз, он стал приходить и вечером... Он садился там, где вы сейчас сидите, дядюшка... (*На мгновение замолчала, от волнения, которое душит ее.*) Он приходил, читал мне газету. Иногда приносил какой-нибудь маленький подарок... Мы болтали все вместе... мама и Джильда, когда она возвращалась от хозяйки. (*Минуту молчит, превозмогая волнение.*)

Дон Джероламо. Хорошо. Продолжай.

Малия (*задыхаясь от волнения, делает неопределенный жест*). Обождите минутку... Простите...

Дон Джероламо. Бедная девочка! Смелее!

Малия. Хорошо, дядюшка... Тогда... тогда... Он видел, что Джильда здоровая и красивая... *(Делает жест головой и смотрит на священника глазами, полными слез, у нее спазмы в горле.)* Вы поняли? Вы поняли, дядя?

Дон Джероламо *(покачивая головой)*. Да, дочь моя, да.

Малия. Не правда ли, господь простит меня за то, что я не сразу смирилась и исполнила его волю... не смогла не думать о нем?

Дон Джероламо. Ах, бедняжка, и теперь?

Малия закрывает глаза и делает утвердительный жест головой.

Необходимо отрешиться от всего земного, дочь моя, если он пожелает оказать тебе милость и призовет к себе в рай.

Малия *(примирилась, сложила руки крест-накрест)*. Да, дядя. Я сделаю все, что смогу.

Дон Джероламо. Это все? Больше у тебя нет прегрешений?

Малия. Нет, дядя... нет.

Дон Джероламо. Хорошо, хорошо. Будь спокойна: господь прощает тебя, так же как и я отпускаю тебе твои грехи и благословляю тебя. *(Кладет руку на ее голову. Затем зовет.)* Джузеппина!

Джузеппина входит, вытирая глаза.

Малия *(нежно улыбаясь)*. Видишь, мама? Все хорошо.

Джузеппина *(обнимает ее с нежностью)*. Доченька, доченька моя!.. Скажи мне, как ты себя чувствуешь теперь?

Малия. Хорошо, мама, хорошо.

Дон Джероламо *(собирается уходить, прощается)*. Господь да благословит вас. *(Джузеппине, которая провожает его до дверей.)* Бедняжка — ангел. Но вам нужно было быть осторожнее... две молодые девушки в доме...

Джузеппина. О, мадонна! Что я могла сделать?
Дон Джероламо. Лучше не будем говорить об этом! В случае чего, если богу так будет угодно, о похоронах я позабочусь. Пришлите за мной в приход.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Баттиста и те же.

Баттиста (*не снимая шляпы, с недовольным видом священнику*). Мое почтение!

Дон Джероламо. Добрый вечер, Баттиста.

Баттиста (*так же*). Мое почтение!

Дон Джероламо уходит.

Зачем он сюда явился, что ему здесь надо?

Малия. Отец...

Джузеппина. Он зашел... мимоходом...

Баттиста. Ну их! У них глаз плохой! Еще сглазят мою дочку! (*Наклоняется к Малии, чтобы приласкать ее, берет двумя пальцами за подбородок.*) Дорогая! Как дела? Лучше?

Малия. Нет, отец... Я плохо себя чувствую...

Джузеппина. Дон Джероламо приходил к ней... он знает, что она больна...

Баттиста (*огорчен, недовольный вид, поворачивается спиной*). Вот так утешение! Приятно иметь родственника священника. Сколько времени у нас несчастья, а он ни разу даже не зашел, хотя бы сказать — подышайте.

Малия. Нет, папа, не говори так!

Джузеппина. Твоя дочь плохо себя чувствует.

Баттиста. Нет, нет! Не огорчайте меня! Дорогая ты моя доченька, с тобой твой отец. Не беспокойся! Этот обманщик доктор ходит без конца и все без толку. Он только деньги вытягивает у нас. Он да аптекарь! Хуже пиявок! Поверь твоему отцу, который тебя так любит!

Ты, слава богу, не лежишь в постели... Выздоровеешь, говорю я тебе!

М а л и я. Нет... Я плохо себя чувствую, папа!..

Б а т т и с т а. Выздоровеешь! Поверь мне. Ты молодая, поправишься! Вот нам, старикам, плохо. Лето идет — поправишься.

М а л и я. Правда, папа?

Б а т т и с т а. Я тебе говорю. Я готов что угодно сделать, лишь бы ты была здорова. Слышишь, вот возвращаются с праздника.

Д ж у з е п п и н а. Нет, это Ассунта.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Поспешно входит Ассунта, в руках у нее скляночка, те же.

А с с у н т а. Радуйтесь, радуйтесь!

Д ж у з е п п и н а. Ну, что же она сказала?

А с с у н т а (*еще не пришла в себя от волнения*). Она сказала, что ничего серьезного нет, что Малия выздоровеет через несколько дней; надо принимать по две ложки вот этой красной штуки, утром и вечером... Болезнь ее от слабости и от вялости желудка. Можно сказать, что она — как пустой мешок, который не держится на ногах. Когда окрепнет — будет чувствовать себя лучше, чем я и вы.

М а л и я. О, мама!

Д ж у з е п п и н а. Господь да услышит эту добрую душу!

Б а т т и с т а. А что это такое? Еще какая-нибудь гадость!

А с с у н т а. Гадость? Это целебное средство, дорогой мой!

Б а т т и с т а. Целебное средство! У меня их полон комод, этих целебных средств! Все это рассказы, вранье!

А с с у н т а. Рассказы? Гадалка, по-вашему, чепуху несет? Ведь она получила три лиры!..

Б а т т и с т а. Не знаю... Я б охотно заплатил ей три

лиры, если б только это не было враньем, чтоб моя дочь действительно выздоровела. Отказал бы себе в последнем куске хлеба. (*Джузеппине.*) Откуда у тебя деньги?

Джузеппина. У меня были.

Баттиста. А когда я у тебя спросил три сольдо на табак, ты мне сказала, что у тебя нет?

Джузеппина. Мне их потом послало провидение.

Баттиста. Провидение?.. Это что ж за провидение, которое посылает деньги?

Ассунта. Одним словом, деньги я получила от того, кто мне их смог дать. Скажу я тебе, пора с этим покончить. Джильда прислала сказать, что она хочет видеть сестру.

Малия (*умоляюще*). Отец, прошу тебя..

Баттиста. Я? Джильду?.. Она мне больше не дочь.

Малия (*так же, у нее на глазах слезы*). Папа..

Баттиста (*начинает горячиться*). Она мне больше не дочь. Она умерла и похоронена! На этом я поставил крест! (*Жестикулирует, рисуя на полу крест.*) Неблагодарная! У меня есть только одна дочь. (*Обнимает Малию.*) Другой у меня нет. (*Плачет.*)

Ассунта. А сердце вам подсказывает другое.

Баттиста. Да, вы видите, что я тоскую? Потому что, в конце концов, кровь ведь не вода!.. Нет, нет!.. Неблагодарная! В каком положении она нас бросила... одних, горе мыкать с этой бедняжкой! Мне стыдно выйти из дома... встретиться с друзьями у Брузетти..

Малия. Ах, папа!

Ассунта (*вполголоса Малии*). Не волнуйся, будь спокойна, пусть поет.

Баттиста (*пофыркивает, ходит взад и вперед*). Нет, я не из тех, кто закрывает глаза. Я бедняк, но никому не позволю задеть мою честь!

Ассунта. Оставьте, дорогой мой, кто вас задевает. (*Вполголоса Джузеппине, которая тихо плачет.*) Ваша Джильда здесь, рядом, у синьора Амброджо. Она ждет, чтоб ее позвали. Погодите, сыграем с ним штуку.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Карлини, синьора Луизина и те же.

Карлини (*входит, весело настроен*). Синьорина Малия, поздравляю и вас с днем святого Георгия. (*Подает ей апельсины.*) Берите, берите, не стесняйтесь!

Малия (*очень обрадовалась, лицо ее оживилось*). О, о!

Баттиста. Счастливые!

Луизина. Добрый вечер, добрый вечер!

Джузеппина. С приездом!

Малия. Синьор Карлини!.. Спасибо, спасибо. Какие прелестные цветы! (*Указывая на букетик в петлице у Карлини.*)

Карлини. Хотите? Пожалуйста! (*Вынимает цветы из петлицы и подает Малии.*)

Малия (*оборачивается к матери, весело*). Мама, посмотри!

Луизина (*дает апельсины и Джузеппине*). Это палермские апельсины. Мы их купили специально для вас.

Малия (*застенчиво, с нежностью*). Вы помните, синьор Карлини, и тогда вы мне приносили цветы... когда я поправлялась?.. Это хорошее предзнаменование...

Карлини. Желаю вам от всей души!

Малия. Я сейчас же поставлю в воду... а то увянут, правда? Мама, дай мне стакан.

Джузеппина (*ищет на комодѣ пустой стакан*). Какой вы внимательный, синьор Карлини!

Карлини. Какая прекрасная прогулка, не правда ли, синьора Луизина? (*Малии.*) Как жаль, что вы с нами не были!

Малия. Я? Я ведь не могу.

Луизина. Праздник удался на славу. Ризотто, отварная телятина, жаркое, натуральное вино, его было так приятно пить... Надо было, чтобы хоть синьор Баттиста поехал с нами.

Баттиста. Э, дорогая моя, у меня другим голова занята!

Ассунта. Все будет в порядке, увидите!

Карлини (смеется, вытаскивая из кармана апельсин, дает его Ассунте). Молодец! Это вам... за доброе слово...

Ассунта (смеется). Люблю синьора Карлини, он умеет обращаться с женщинами, никогда не придет с пустыми руками.

Карлини (смеется). Вы правду говорите, что я вам нравлюсь? Вот, если б мне было лет на двадцать меньше!..

Ассунта. Знаем, знаем, что вы любите поухаживать за женщинами!

Карлини (лицо его омрачилось). Нет, нет! На этом я обжегся. Как вы себя чувствуете сегодня, синьорина Малия?

Малия. Спасибо, хорошо, синьор Карлини.

Луизина. Бедняжка, сколько времени не была на воздухе! Но теперь дождалась! (Оборачивается к остальным.) Какое солнце!

Малия (с грустной улыбкой смотрит в окно). Да...

Баттиста. А что я всегда говорил! Мучают ее на все лады. Один говорит то, другой — это. Вздохнуть ей не дают. Все ее только мучают!

Луизина. Бедные вы! Намучились!

Баттиста. Да. Уж переполнилась чаша!

Ассунта. Ну, теперь — конец, раз взялась помогать гадалка!

Джузеппина. Дал бы бог! Пресвятая мадонна!

Ассунта. Я вам говорю! Скоро разопьем бутылочку за ее здоровье.

Луизина (собирается уходить). Добрый вечер. Пойду за своим мужем, он сидит у Брузетти.

Ассунта. Пойдемте с нами, синьор Баттиста, на минутку. Выпьем за здоровье вашей дочери.

Баттиста. Оставьте меня. Не хочу.

Джузеппина. Нет, нет, не надо.

Ассунта (*вполголоса Джузеппине*). Я хочу, чтоб он ушел, а я тогда сбегая позову вашу Джильду. (*Баттисте*.) Пойдем, пойдем. Не заставляйте себя просить, ведь мы хотим выпить за здоровье вашей дочери.

Баттиста. Дорогая, если речь идет о моей дочери, то не знаю, что и сказать... Я угощаю! При условии, что я плачу за всех. (*Вполголоса Джузеппине*.) Дай мне немного денег.

Джузеппина. Но...

Баттиста. Скажешь, что у тебя нет?

Джузеппина дает ему деньги.

Пойдемте с нами, синьор Карлини.

Карлини. Нет, спасибо, я не пойду. Лучше побуду немного здесь.

Баттиста. Хорошо, хорошо. Я сейчас вернусь. (*Выходит с Луизиной*.)

Ассунта (*вполголоса Джузеппине и Малии*). Обождите минутку. Я сейчас вернусь. (*Выходит*.)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Карлини, Малия и Джузеппина.

Малия. Какой вы добрый, синьор Карлини, что остались посидеть с нами!

Карлини. Что вы, я очень рад. Я немного устал, но было очень весело. Как жаль, что ни вы, ни ваши родители не смогли с нами поехать!

Малия. В будущем году, если поправлюсь, мама говорила, мы все вместе поедem.

Джузеппина. Да, да.

Малия. Вы будете рады, синьор Карлини, если мы все вместе поедem?

Карлини. Буду очень, очень рад. Вы ведь знаете, как я люблю бывать у вас. Было и у меня горе,

очень большое горе! Что ж делать! У вас, по крайней мере, я уверен, что ко мне хорошо относятся.

Джузеппина. Вы этого вполне заслужили.

Карлини. И я вас всех очень уважаю! А нашу бедняжку... Я бы с радостью болел вместо нее, только бы она выздоровела!

Малия. Ах, синьор Карлини...

Карлини. Подождите, дайте мне сказать.

Малия. Господь вам пошлет все, что вы сами для себя желаете.

Карлини (печально, пожав плечами). Что вы! Что вы!

Джузеппина (Малии). А ты не волнуйся. Не утомляйся.

Малия. Нет, мама. Дай мне поговорить. Мне так даже лучше... Пока здесь синьор Карлини.

Карлини. Да, да, дайте ей сказать, что она хочет.

Малия (Карлини, застенчиво, после минутного колебания). Сегодня, вы знаете, у нас был мой дядя-священник...

Карлини. Почему?

Малия. Потому что... Он говорит.. каждый из нас может умереть в любую минуту...

Карлини. Не слушайте его. Они всегда так говорят. Вы выздоровеете. Верьте мне, вы выздоровеете!

Джузеппина. Да благословит вас бог, синьор Карлини. Ведь правда — она выглядит гораздо лучше?

Карлини. Правда, правда...

Джузеппина (Малии). Вот видишь? Все говорят. Будь же повеселей. Не грусти.

Малия. Хорошо, мама.

Джузеппина (Карлини). Пока вы здесь побудете с ней, я выйду на минутку на воздух.

Малия. Бедная моя мама...

Джузеппина (вполголоса Малии). Я выйду, посмотрю, не идет ли Джильда. Боюсь, Ассунта не напутала ли чего с отцом. *(Карлини.)* Разрешите? *(Уходит.)*

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Малия и Карлини.

Малия (*застенчиво, смущена*). Правда, вам не скучно с бедной больной?

Карлини. Ну, что вы! Вы ведь знаете, как охотно я у вас бываю.

Малия (*сдерживая слезы*). Благодарю вас. От всего сердца благодарю вас.

Карлини. За что?

Малия. За все... я так вам благодарна...

Карлини. Сердце у вас золотое.

Малия (*с грустной улыбкой*). Но говорят, оно очень болезненное...

Карлини (*пожимает плечами*). Пусть говорят... Они часто ошибаются.

Малия. Мне не хотелось бы... умереть теперь.

Карлини. Что это вам вдруг пришло в голову?

Малия (*слезы душат ее*). И вам... было бы жаль, ведь правда?

Карлини. Если вы будете так говорить, я уйду.

Малия (*берет его за руку, с чувством*). Нет, я рада, я так рада!

Карлини. Вот так, хорошо.

Малия (*после недолгого молчания, застенчиво, наклонив голову*). Дядя-священник говорит, что я ни о чем не должна думать...

Карлини. Все это болтовня. Пусть говорит, что хочет. А мне сердце подсказывает, что вы скоро выздоровеете. Вы столько выстрадали!

Малия. Да, да...

Карлини. Сколько вы пережили! И ваши родители тоже! Так много горя выпало на долю вашей семьи!

Малия. Да, много.

Карлини. Сначала вы заболели, потом вся эта беда с вашей сестрой. Вы помните, какой это был удар!

М а л и я. Бедная Джильда...

К а р л и н и. Чего ей недоставало здесь, дома? Все ее так любили... Так любили! Ах, синьорина Малия, а для меня какой это был удар — никак не могу забыть... Что с вами?

М а л и я *(все сильнее меняется в лице)*. Ничего...

К а р л и н и. А я так любил ее! И она тоже говорила... По крайней мере она так говорила... Но впрочем, кто знает? Она день-денской бродила по Милану, а я сидел в магазине... Я работал с радостью, думал: вот, вечером увижу ее! Все были так счастливы и довольны... Помните?

М а л и я. Да, помню...

К а р л и н и. Нет, у вашей сестры не такое сердце, как у вас, синьорина Малия. Вы дети одной матери, но у вас есть сердце, а у вашей сестры нет. Я выбивался из сил ради нее, я готов был всю кровь свою по капле отдать за нее, только бы знать, что она довольна... А она? За тряпку, за новое платье, ради другого, который сумел лучше меня наговорить ей кучу милых слов... Она, как Иуда, предала меня!

М а л и я *(в изнеможении, изменилась в лице)*. Довольно, довольно...

К а р л и н и. Нет, дайте мне излить свою душу! Вы такая добрая и сочувствуете мне. Я столько пережил! Сердце наболело. Дайте мне облегчить его. Когда я говорю с вами, мне кажется, я открываю душу перед вашей сестрой. Это было вот здесь... рядом... с вами. Здесь я утерял свой покой. Здесь я познал всю горечь. Но что с вами? Вам нехорошо?

М а л и я. Нет, нет, ничего...

К а р л и н и. Простите, синьорина Малия... Вы сочувствуете мне, и вы знаете, как мне тяжело. *(Заметив, что Малия очень бледна и опустилась на подушки.)* Что с вами? Что случилось? Я позову вашу мать!

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Ассунта, потом Джильда, Джузеппина и те же.

Ассунта (*входит, весело*). Она здесь, здесь!
Джильда (*вбегают, обнимает Малию*). Малия, Малия!..

Малия (*в объятиях сестры, плачет, тихо произносит*).
Ах, ах!

Джузеппина (*вытирает фартуком глаза*). Господи, боже мой!..

Ассунта. Я же вам говорила, сыграем с ним штуку!

Джильда (*Малии*). Как ты похудела, бедняжка.

Джузеппина. Теперь ей немного лучше. Если б ты видела... Доктор уже давно ходит к нам...

Ассунта. Ничего, ничего. Я была у гадалки, советовалась, она говорит, что все будет хорошо!

Джузеппина (*Джильде*). Видишь, здесь синьор Карлини.

Джильда. Добрый вечер, синьор Карлини.

Карлини (*смущен, стоит в стороне*). Мое почтение. Добрый вечер...

Малия (*голос ее дрожит*). Джильда... как я счастлива теперь...

Ассунта. Пойду покараулю у дверей. Я не хочу, чтобы явился синьор Баттиста,— он все напортит. В случае чего я задержу его, а вы, как только услышите, что я громко говорю, бегите под портик.

Джузеппина. Хорошо, хорошо, а я посмотрю, как ужин.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Джузеппина около камина, Джильда и Карлини около Малии.

Малия (*как прежде, держит Джильду за руку*). Мама... Наконец-то она здесь...

Джилльда. Какая ты бледная... Какое у тебя личико...
Малия. От волнения, что я тебя вижу... Так... дав-

но!..

Джузеппина. Да, да, только не утомляйся.

Джилльда. Не утомляйся. Мы будем здесь, около тебя, только ты сиди спокойно.

Малия. Хорошо... Будь здесь...

Джилльда. Я здесь... И завтра приду...

Малия. Завтра... кто знает?.. Не оставь маму...

Карлини. Не волнуйтесь, синьорина Малия. Мы все здесь, с вами, видите?

Джузеппина (Джилльде). Видишь, какой друг нам синьор Карлини?

Джилльда. Да, я знаю.

Карлини. Нет, я ничего не сделал хорошего. Вы оба заслуживаете гораздо большего. За вас я пошел бы в огонь и в воду.

Малия. Спасибо, спасибо! Ничего другого я вам сказать не могу...

Карлини. Разве вы не заслуживаете этого? Надо быть бессердечным, чтоб оставить вас в несчастье... У меня все же сердце есть. Плохо ли, хорошо ли, но все же... (Видя, что Джилльда не обращает внимания.) Как выживаете, синьорина Джилльда?

Джилльда. Спасибо. А вы?

Карлини. Я!.. Что же... я бедняк. Живу, как все, до меня никому нет дела...

Джузеппина. Ну, что вы говорите!

Карлини. Я правду говорю. Кому до меня дело? (Джилльде.) Вы все такая же красавица и свежи, как роза.

Джилльда. Будет вам!

Карлини. Да, да. Я говорю то, что думаю. Мы часто говорим о вас с вашей сестрой и мамой. Не правда ли, синьора Джузеппина?

Джилльда. Вы очень добры. Я не заслужила...

Карлини. Ведь сердце ежеминутно не меняется. Бывает горе, бывает печаль, но сердце остается все тем же!

Джилльда. Горе у всякого есть.

Карлини. Какое горе может быть у вас? Вы красавица, у вас нет забот, вы живете в холе и довольстве.

Джилльда. Хватит этих разговоров.

Карлини. Вы недовольны?

Джилльда. Да... Не будем об этом говорить.

Малия. Мама, дай мне то лекарство, что гадалка прислала.

Карлини (заботливо). Позвольте я... Дайте стаканчик.

Джузеппина. Я в него поставила цветы.

Малия. Мама, дай мне их. Я их хочу отдать Джилльде.

Джилльда. Нет, нет, не отдавай их мне, дорогая.

Малия. Возьми. Это его цветы, он мне их дал.

Карлини. Это пустячок. Они вас недостойны... У вас есть лучшие, я знаю...

Джилльда. Я не то хотела сказать,— благодарю вас.

Карлини. Каждый дает, что имеет... Когда это от всего сердца...

Джузеппина (подавая Малии лекарство). Вот лекарство... Не хочешь?

Малия (все больше слабея). Я не знаю... Подыми мне голову, мама.

Карлини (спешит помочь). Вот, вот.

Малия (отгаликивает его дрожащей рукой). Нет, только не вы.

Джузеппина. Почему? Бедняжка, он такой добрый.

Малия горестно качает головой, наклоняется, слезы катятся по щекам.

Карлини (наклонился над ней). Скажите, вы хотите принять лекарство?

Малия. Нет... Оставьте меня...

Карлини (Джузеппине). Она очень устала. Она слишком много говорила...

Джузеппина (Малии). После примешь? Хочешь немного отдохнуть?

Малия делает знак согласия закрывает глаза.

Джилда. Бедняжка Малия... Боже мой!

Карлини. Вы раньше не видели. Сегодня был очень тяжелый день. К тому же свидание с вами... Что делать! Это вполне естественно. Я тоже очень взволновался, когда вы вошли...

Джилда. Я этого не заслуживаю.

Карлини. Что делать? Это так... Я вспомнил прежние времена, когда мы были все вместе, были счастливы и довольны. Вы об этом, вероятно, никогда не думаете и не вспоминаете.

Джилда. К чему вы это теперь?..

Карлини. Вот видите, вы не хотите об этом даже слушать.

Малия. Довольно, довольно, умоляю!

Джилда. Довольно, синьор Карлини! Видите, бедняжка...

Малия все сильнее изменяется в лице, затем голова ее падает на грудь, она неподвижна.

Мама, Малия, Малия! (Кричит.) Мама!.. Малия!..

Карлини (бежит, в страшном волнении). Скорее, скорее! Лекарство!

Джузеппина (подбегает, рвет на себе волосы). Малия!.. Дочка, доченька!..

ЗАНАВЕС

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Дж. Джерманетто 5

ДРАМЫ:

Волчица 11

Сельская честь 57

В швейцарской 79

Редактор Л. Цимовский

Подписано к печати 10/IV 1941 г.
А37893. „Искусство“ № 2426. Кол.
печ. лист. 4. Кол. уч.-изд.- лист.
4,96. Кол. печ. зн. в печ. л. 59904.
Тираж 5000 экз.

Цена 2 р. 50 к.

Типография „Красный печатник“
Гос. изд-ва „Искусство“.
Москва, ул. 25 Октября, 5.
Заказ № 2